Талант напрокат

Андрей Фомин

ТАЛАНТ НАПРОКАТ

Издательский центр «Курьер-медиа»
2008

ББК 84 (2Рос=Рус) 6–4
УДК 82–312.9–93
Ф 76

Фомин А.Н.
Талант напрокат. Повесть-фантазия. – Нижний Новгород –
Издательский центр «Курьер-медиа» – 2008 г. – 110 стр., иллюстр.

© А. Фомин, 2008
© О. Карнеева, 2008
© ООО «РИЦ «Курьер-медиа», 2008

От автора

Ты, конечно, знаешь, что у каждого из нас есть свой ангел. Моего, например, зовут Николай. Он так помогает мне по жизни! Но трудно с ним: фантазер – страшный. Иногда мне приходится его сдерживать. А в целом он просто замечательный. И очень похож на меня самого, только четырнадцатилетнего. Такой же вихрастый и лопоухий.

Эту историю о простой российской семикласснице Веронике Сидоровой он рассказал мне в поезде «Чебоксары-Москва», когда я страдал от отсутствия попутчиков. Я взял и записал ее для своей дочери, чтобы она выросла надежным и порядочным человеком. Надеюсь, что эта история будет интересной и поучительной и для других детей. Я не уверен, что она произошла на самом деле, но думаю, что Николай – очень правдивый ангел, а если он в чем-то слукавил, ему и отвечать.

Ника поднесла ладонь к лицу и разжала: в руке лежала монета, раза в три больше пятирублевой. «Иностранная какая-то», – подумала Ника.

Глава первая

День не удался с самого начала! Ника прокляла Диму Билана: мобильный будильник запел его голосом ровно в шесть тридцать. Ника нажала на «стоп» и с увлечением погрузилась в недосмотренный сон. Спустя минуту нахальный Дима Билан запел снова. Ну до чего противно! Ника снова шлепнула по мобильнику. На четвертый раз призер Евровидения отступился, наконец, от желания допеть свою песню и заглох. В шесть сорок пять Ника секунд двадцать сопротивлялась маме, стаскивавшей с нее одеяло – проиграла; последняя надежда была на подушку с желтым слоником, под которую она попыталась засунуть голову – бесполезно, подушка последовала за одеялом! Оставаться в постели было бессмысленно.

Как бесформенная амеба Ника тащилась к ванной. На ощупь включила воду и нехотя взглянула в зеркало. О, ужас! Вроде все на месте: коротко стриженные рыжие волосы, лукавые, цвета морского прибоя, глазищи, пухленькие, с ямочками, щечки. Но на аккуратном кругленьком, маленьком носике, в самом его центре, на самом видном месте позорно рдел малиновый прыщ!!! Всевозможные косметические примочки были бессмысленны – прыщ, красный, как бабушкин отборный помидор, высился, как Эльбрус над Кавказом! Мысль о школе, о выставлении прыща на обозрение всего класса, а Верки с Денисом в особенности, была для Ники невыносимо противна и вызывала во рту привкус вареного лука. Причин для пропуска занятий не вырисовывалось: ни температуры, ни соплей, о ноющем зубе Ника предпочитала молчать.

– Влюбился в тебя кто-то, – пошутил, уплетая яичницу с колбасой, папа.

– Нет, ну что это за равноправие? – протест, который зрел в душе Ники все утро, вырвался наружу при виде «обожаемой» ею гречневой каши:

– Папе ветчину, папе яичницу, а мне кашу! Я не против папы, но мой растущий организм тоже требует ... чипсов.

– Бабушка твоего папу на кашах подняла. Полезнее них ничего нет, – парировала мама и долила в кашу кипяченого молока, отчего у Ники помутнело в глазах, – до сих пор у него все зубы свои!

В подтверждение папа клацнул зубами, заржал как вороной жеребец и, чмокнув Нику в лоб, галопом удалился в спальню.

Монотонное пережевывание гречневой каши навевало грустные мысли: «Сегодня целых шесть уроков, Верка опять будет в золотых сережках, ну почему у нее никогда не бывает прыщей, Денис на географии кому-то записки шлет – не мне ...». Мысли, как каша, все не кончались и не кончались.

Провожая, мама мазанула чем-то по прыщу и, приобняв Нику за плечи, мечтательно изрекла:

– Растешь, скоро совсем взрослая станешь!

– Это ж сколько тогда прыщей-то будет?! – загрустила Ника.

...Весеннее солнце топило снег, рюкзак за спиной резал плечи, на повороте к школе, у газетного киоска Нику догнала Светка Щебетова.

– Привет, я тебе сейчас такое расскажу! – Свет в классе было три, но только Щебетова все время говорила, полностью оправдывая свою фамилию.

– Филя, ну дурак дураком, как толкнет ее, а она в новом пуховике, в светлом, – вытаращенные Светкины глаза стали абсолютно круглыми, – представляешь, пятно с кулак, как шоколадом обмазано, ну дурак дураком ... ой, что это у тебя на носу-то?

Нике все было понятно. Костя Филимонов, по прозвищу Филя – то ли из-за фамилии, то ли из-за собачонки из мультика, на которую он сильно смахивал, влюбился в Настю Чернову из 7 «В», и любовь эту ей ежедневно доказывал то подножкой, то дерганьем кос. И было видно, как задевает эта любовь Светку, живущую с ним в одном доме. Но Нику гораздо больше беспокоило другое. Еще в школу не зашла, а уже началось. Теперь ее прыщ будет у Щебетовой первейшей новостью, а значит, о нём узнают все.

– А это мода новая из Франции – прыщ на нос сажать. Спорами продается: мажешь на ночь – к утру прыщ на месте, – помирать, так с музыкой, решила Ника, – только дорого очень и достать трудно, у тебя столько и денег-то нету.

– Да ладно врать-то! – Светка, конечно, не поверила, но выкрутилась Ника достойно.

По дороге в класс Ника, как член редколлегии, задержалась у стенда конкурсных стенгазет, посвященных Женскому дню 8 марта. Нарисованный ею букет алых роз смотрелся потрясающе. «А мне таких еще и не дарили», – с грустью подумала Ника.

Перед входом в класс Ника глубоко вздохнула, приподняла подбородок и, напевая про себя: «Наверх вы, товарищи, все по местам, последний парад наступает ...» – гордо вошла в класс.

Светка уже что-то щебетала в углу стайке девчонок, среди которых выделялась «спортсменка, комсомолка и просто красавица», звезда школы, мечта мальчишек, любимица учителей Вера Соснова. С Сосновой у Ники была врожденная несовместимость, она даже про себя называла одноклассницу «Веркой-вонючкой». Девчонки как по команде посмотрели на Нику и дружно прыснули. Стало ясно, что Светка успела все разболтать. Валя Короткова, правая рука Веркиной свиты (сама Верка никогда не вступала в бой первой), подошла к Нике.

– Дай-ка, дай-ка посмотреть на французскую моду! Ой, сейчас прям грохнусь от зависти! Может, подскажешь адресочек, где споры продаются, я на них все деньги из копилочки потрачу.

– Да тебе, грязнуле, это не к чему! У тебя и без них скоро десятка два прыщей появится, вот тогда на лосьоны и потратишься!

Гордо подняв голову, Ника прошествовала за свою парту и с удивлением обнаружила, что Дениса, ее соседа, до сих пор нет. Денис жил дальше всех, на окраине, но приходил в школу одним из первых. Он вообще почти везде был первым: в учебе, в спорте, с первого класса его никто не провожал и не встречал из школы, он сам отводил утром в детский сад свою сестренку. Ника боялась признаться, что и в ее голове он тоже был на первом месте. Начался русский, а Денис так и не появился.

На русском, географии и литературе все прошло без происшествий, и Ника уже подумала, что «черная полоса» завершена, и скоро случится что-то приятное, но не тут-то было.

Четвертым уроком был английский. Александра Адольфовна, которую ребята за обширные габариты называли «Тумбой» или ласково «Тумбочкой», начала урок с короткого диктанта: диктовала вслух слова, изученные за последний месяц. Закончив работу, Ника подписала свой листок и передала вперед по ряду. Александра Адольфовна дала классу дополнительное задание и приступила к проверке диктанта. Ника уже завершала упражнение, когда Тумбочка вдруг взревела:

– Сидорова, – а это была Никина фамилия, – ВСТАТЬ!!!

Ника была уверена, что хорошо справилась с диктантом.

– Так ты у нас поэтесса, Сидорова! Может, зачитаешь свое произведение всему классу?

Ника взяла переданный ей листок и ужаснулась. На листочке, подписанном ее именем, почти ее почерком вместо диктанта было написано четверостишие:

«Села Тумбочка на стул
Стул не выдержал – икнул.
Оперлась она на стол,
Стол обделался на пол!»

– Это не я, не я, не я, – почти шепотом, глядя в пол, промямлила Ника. От стыда у нее закружилась голова.

– Хочется верить, – укоризненно сказала Александра Адольфовна, – да я-то все переживу, а вот твоего диктанта нет! – Ника растерянно развела руками. – Так что давай сюда дневник и получай свою единицу!

Воздуха не хватало, слезы душили, но Ника твердо решила: «Ни за что не заплачу!».

Тумба расписалась под единицей и вернула дневник, а Ника смотрела на свой ряд: «Ведь это кто-то из них. Валя, Сергей или Петров?». Внешне все были спокойны, оставалось только гадать.

Следующим уроком была математика. Нике она всегда давалась легко, но сегодня девочка вместе с математическими примерами решала в уме сложную логическую задачу: «Кто же меня подставил? Валя? Мы с ней только что сцепились. Она с удовольствием подставит мне подножку! Ей Верка все нашептывает. Она понимает, что я в первую очередь на нее подумаю, так что вряд ли так явно станет вредить... Сергей? Нет, ни за что, не он! Он с первого класса мне подарки на 8 Марта вручает. По жребию, что ли? Да и дуболом он, по литературе еле-еле на тройку тянет – он стихи сочинить не способен... Петров? Почему-то его никто никогда по имени не называет, только по фа-

милии... А как его зовут-то? Хоть убей, не могу вспомнить... Темная лошадка, надо будет понаблюдать за ним».

– Сидорова, Сидорова, – до Ники дошло, что обращаются к ней, – к доске.

Ника аккуратно переступила Валину ногу: вот она, ожидаемая подножка, и уверенно подошла к учительскому столу – хоть пятерку получить по математике в этот несчастный день. И вдруг прозвенел звонок.

– Ладно, Сидорова, на следующем уроке спрошу, – завершила урок Нина Степановна, любимая Никина математичка.

«И тут не повезло», – подумала Ника.

Весь класс ринулся переодеваться – последним уроком была физкультура, лыжный забег на оценку. В темном коридоре Нику догнала Валя:

– Ты на меня, Сидорова, не думай, я тебя не подставляла. Ты мне, конечно, не подруга, но и я подлой никогда не была!

– Да не волнуйся, ты не ты, я все равно раскопаю, кто это сделал, и устрою ему тепленькую жизнь, будет у меня вертеться как уж на сковородке, – заверила ее Ника.

На школьном стадионе класс готовился к старту. Пробежать надо было четыре круга. Учитель физкультуры, Сергей Николаевич, расставлял ребят на старте – сначала мальчишек, потом девчонок.

– Сидорова, что ты в первый ряд встала, – пожурил он Нику, – тормозить всех будешь, перейди в конец.

– Уйди с дороги, хилячка! – поддержала его Верка.

Первый круг Ника действительно шла последней, но злость и обида толкали ее вперед и вперед. Она обошла трех или четырех девчонок, и это добавило ей силы, потом достала Валю, обогнала Филю, последнего из мальчишек. Ребята уже шли на финиш, а для Ники начинался последний круг. Впереди, метрах в двадцати, была только Верка.

– Вера, прибавь, идешь на рекорд школы! – глядя на секундомер, подбадривал ее Сергей Николаевич. – Ну ты даешь, Сидорова, давай, давай, держись, – удивился он проезжавшей мимо Нике.

Ника прикусила губы: «Я смогу, я догоню эту Верку, я выдержу!» – крутилось у нее в голове.

Расстояние между ними сокращалось. Осталось десять метров, пять. Зрители кричали. Ника догоняла. Вот уже прямо перед глазами

Веркина спина. Почувствовав Никино сопение, Верка оглянулась, и злость промелькнула в ее глазах. Почти остановившись, Вера вдруг ткнула острием лыжной палки в Никину коленку! Ника упала, до финиша оставалось совсем ничего. Уткнувшись лицом в снег, она заплакала. От боли в ноге, от обиды, от подлого Веркиного поступка. Подбежал Сергей Николаевич:

– Успокойся. Согни, разогни ногу. Не больно? Ну и хорошо, значит, ничего серьезного, нога цела, – он помог Нике встать. – Ну что же ты, Вера, как специально, осторожнее надо быть!

– Я не специально, палка сорвалась, – отстегивая лыжи, соврала Верка.

Денис, который в школе так и не появился, не видел ее сегодняшнего позора, и это было единственным утешением для Ники.

...Когда Ника зашла домой, в квартире трелью заливался телефон:

– Алло, что случилось, куда ты пропала, я уже пятый раз звоню, – переживала мама.

Мама переживала из-за каждой минуты, а Ника всего-то прошла вдоль спешащего ручейка за щепкой-корабликом. Это было ее любимым весенним занятием с самого детства. Без этого весна могла не наступить.

– Все хорошо... да-да, знаю – котлеты в холодильнике, суп на балконе... конечно, разогрею в ковшике.

Еда у мамы всегда была на первом месте, слушайся ее Ника и в дверь бы уже не влезала.

– В школе? Да неважно, несчастный случай и единица... Да нет, не ослышалась, по английскому. Мама, я ни в чем не виновата, все расскажу вечером. Ну, счастливо!

День катился к вечеру, уроки были сделаны, посуда вымыта. По телеку шел любимый сериал, который начался, когда Нике было лет пять. Он стал для нее талисманом: под него она сочинила первое стихотворение, потеряла последний молочный зуб, впервые влюбилась, побывала на море. Так много изменилось, а в сериале все было по-прежнему: Николас все признавался в любви разным женщинам, Каролина все не старела, Питер отсидел в тюрьме и стал священником. Теплее, уютнее и успокоительнее этого сериала на Нику действовали только мамины руки и старый папин свитер, который она надевала зимними холодными вечерами.

Ника не любила громко включать звук, боялась пропустить томяще-сладкое мгновение, которое почти всегда наступало в шесть ноль пять, но оставалось для Ники неожиданно радостным: вначале торопливые шаги («Может, и не она»), хлопок двери в секции («Может, и она»), и («Ура-а-а») – скрежет маминого ключа во входном замке. Мама!

С мамой в квартиру врывались шум разговора, аромат французских духов и две тяжелые сумки; их Ника сразу хватала и несла на кухню разбирать и раскладывать.

– Я завтра пойду в школу, я им покажу, как травмировать ребенка... и единица эта идиотская! – другой реакции на рассказ о сегодняшнем дне Ника и не ожидала. Мама верила ей, и она ее старалась никогда не подводить.

– Мама, не надо. Я сама во всем разберусь, я сама все исправлю, – выглядеть маменькиной дочкой перед одноклассниками не было никакого желания.

– Вот это да, Ника, – позвала мама, – скоро папа придет, а у нас ни крошки хлеба. Ну-ка слетай до магазина, а то не поздоровится нам с тобой.

Папа у Ники был классный: большой, Ника считала его просто толстым, и добрый.

Все наши представления формируются в детстве. Для Ники верхом ожидаемого совершенства была полнота. Она означала наличие доброй силы, доброго веселья, неиссякаемого жизнелюбия, непостижимого фантазерства – все, как у ее обожаемого папы!

Батон болтался в пакете, Ника бежала к дому. Осталось пересечь проезжую дорогу, которая с детства была для Ники страшнее, чем Кощей Бессмертный или Баба Яга. Этой самой дорогой Нику пугали гораздо чаще. Она по привычке остановилась и решила пропустить машину, чьи фары приближались из темноты. Из-под колес мчащегося автомобиля на Нику хлынул вал холодной, грязной талой воды. Задыхаясь, она повернулось вслед уезжающей машине, закрывая лицо поднятыми руками. Сверкнула яркая, ослепительная вспышка, в ладонь шлепнулось что-то увесистое, и она моментально сжалась, как у хоккейного вратаря, поймавшего шайбу. Ника поднесла ладонь к лицу и разжала: в руке лежала монета, раза в три больше пятирублевой. При свете фонаря прочитать надпись не представлялось возможным. «Иностранная какая-то», – подумала Ника, захватив ее с собой.

Мелкий светловолосый ушастик, переминающийся на её подушке, назвался её ангелом. Это было весело.

Глава вторая

Ника плакала. Слезы со страшным грохотом падали на желтого слоника, нарисованного на подушке, отчего слон становился в темную крапинку. Вспомнилась эта противная Верка – вонючка она и есть вонючка – насмешливые взгляды одноклассников, ныла разбитая в кровь коленка.

На журнальном столике лежала найденная Никой неизвестная монета. Девочка поскоблила монету пальцем и прочла: «ТРИ ТАЛАНТА». «Странная валюта», – подумала Ника и вдруг услышала щелчок: сам собой включился музыкальный центр. Ника подняла заплаканные глаза на окно и увидела, что от самой луны к ее подоконнику спускается серебряная лесенка. Она потрясла головой, вытерла слезы, чтобы убедиться, что не спит. Но лестница не пропала. Со стороны луны, под звуки мелодии Сен-Санса вдали появилась яркая светящаяся точка. Она росла, уже можно было разглядеть маленькие ножки, перепрыгивающие через две ступеньки, плащ с капюшоном и два светящихся глаза из-под него.

Удивительно, но ей совершенно не было страшно. Наоборот! В душе росло ликование! Как будто к ней приближалось не неведомое существо, а непонятное пока счастье! Человечек в плаще стремительно приближался. Он проскользнул сквозь стекло, и оно даже не звякнуло, откинул капюшон, встряхнул копной желтых волос и представился:

– Прохор, твой ангел. Приветствую тебя, Ника!

– З-з-здравствуйте! – тихим заикающимся голосом произнесла Вероника. – Какой такой ангел?

– Совершенно здоровый, невероятно красивый, первой категории. Повезло тебе, можно сказать! Отлично воспитан, лауреат конкурса «Лучший ангел второго квартала» – там и задержался слегка. Но это не беда! Все поправимо в этом мире. Чего ревем-то?

Слез не осталось и в помине, и куда они только делись? Так бывает пасмурным днем: среди серости зданий, черноты улиц и суровости лиц вдруг появляется лучик солнца, упавший на озорное веснушчатое лицо, и вместе с ним появляется капля надежды – все будет хорошо! – начинает журчать ручеек радости, и вот уже море смеха ураганом врывается в океан счастья – все плохое уже позади, все хорошее только начинается!

Так и сейчас. Мелкий светловолосый ушастик, переминающийся на ее подушке, назвался ее ангелом. Это было весело. Рукой он нежно теребил зеленую ящерицу, кажется, живую, сидящую на малиновом плаще, и от этого, в ожидании чуда, немел язык и дрожали ресницы. Ангел что-то щебетал, она не понимала что, из-под мохнатых ресниц грели добрым светом синющие глаза, и от этого в душе росла и крепла уверенность – впереди радостные захватывающие события!

– ...и как только я узнал об этом, – кажется, Ника стала слышать, – то без промедления прибыл к тебе!

– О чем узнал? – попыталась вникнуть в происходящее Ника.

– О том, что этот бесенок Вася опять испортил тебе весь день!

– Какой Вася? Какой бесенок?

– Да вот он сидит у тебя на левом плече, рожи корчит!

Ника обернулась налево – на стене матово блестела фотография: мама, папа, брат Димка и она прошлым летом в Абхазии.

– Сейчас я его проявлю, сама увидишь, – в руках у Прохора появилась какая-то баночка, он ловко снял с неё крышку и дунул на Нику.

– Апчхи, – чихнула Ника и снова обернулась налево.

Скрестив кривые ножки с угольными копытцами, оттопырив узловатыми пальцами остренькие ушки, высунув длинный треуголь-

ный язык – «Бе-е-е», на ее плече восседало коричневое существо с хитрыми черными глазками!

– Ай, ой! – замахала руками Ника.

– Все время эти бесы голые! Да прогони его поскорей, Ника! Смотреть противно!

– Как? – закричала Ника и подумала: «Маму бы не разбудить!».

– Сплюнь три раза, всего-то и делов.

«Тьфу, тьфу, тьфу!» – Ника обернулась. На крымской фотографии папа обхватил ее за плечи, а мама подставила Димке рожки. Существо пропало!

– Ты волшебник? – Ника пыталась проснуться. Происходящее не пугало, оно просто не имело права быть действительностью! Сотрясание головы, пощипывание ног и потирание уха не помогали – человечек не пропадал.

– Мне, конечно, лестно, но я не волшебник. Я ангел, твой ангел, и живу в городе ангелов – Алве. Ну, хватит теребить свое ухо, никуда я не пропаду. И ты не сможешь проснуться, потому что не спишь! Успокойся и слушай. Вы, люди, живете на Земле, а все, что существует на Земле, создано Богом. Бог рожден добром, добро рождено Богом. В этой формуле все просто и все сложно, все понятно и все слишком запутанно. Мы, ангелы, созданы, чтобы помогать людям. При рождении за каждым человеком закрепляется свой ангел. Когда родилась ты – я это событие, кстати, прекрасно помню: роддом номер два, неожиданный мартовский жуткий мороз – я был совершенно свободен: только что проводил Виктора Цоя до Врат Небесных и прибыл на свое новое распределение, к тебе, Веронике Сидоровой.

– Ты знал Виктора Цоя?

– Что значит, знал? Мы и сейчас с ним частенько встречаемся.

– Где?

– Не все сразу, пока ты этого не поймешь! И вот уже 13 лет я твой бессменный ангел, спасаю тебя от бед и неприятностей, оберегаю от скверны и нечисти. Мое привычное место на твоем правом плече, вот здесь, – Прохор ловко подпрыгнул и, перелетев на Никино правое плечо, поболтал ножками. Он оказался маленьким, с ладошку, и почти невесомым.

– Но я тебя раньше никогда не видела!

– Людям дано видеть своего ангела не более пяти дней за всю жизнь. Некоторые вообще лишены этой возможности. Для тебя такой момент настал сейчас! Но ты ведь меня и раньше слышала, ты и раньше чувствовала, что я с тобой!

– Это когда? Никогда я тебя не слышала.

– Когда, когда... Да постоянно я был с тобой. Ох, и доставила ты мне хлопот!

– Когда это?

– Несколько раз малышкой чуть под машину не попала, я тебе прямо в ухо: «Стой! Посмотри налево!». Один раз ситуация вообще была безвыходной, ты летела как ураган под КАМаз, пришлось мне поставить тебе подножку.

– Так это из-за тебя у меня шрам на коленке?

– Скажи спасибо, что жива осталась! А пляж в Абхазии помнишь?

– Когда мне купаться запретили?

– После того, как я тебя со дна поднял. Стоило мне отлучиться попить нектару, как тебе понырять захотелось! А кто, думаешь, папу уговорил разрешить тебе бросить музыкальную школу? А кто тебе на диктантах по русскому нашептывает?

– Внутренний голос...

– Острячка! Твой внутренний голос – это я, Прохор!

Ника приходила в себя, происходящее веселило.

– А можно тебя проверить, вдруг ты не настоящий!

– Валяй!

Она закрыла глаза и подумала: «Если Прохор настоящий, пусть здесь появится ... Верка-вонючка».

– О-о-о-х! – кто-то тяжело вздохнул.

Ника открыла глаза. В углу комнаты, в желтом, как цыпленок (вот смех-то!), спальном костюме, потирая глаза, переминалась с ноги на ногу Верка Соснова.

– Ты чего, Сидорова?

– Да снюсь я тебе, Соснова! И это твой самый страшный сон. Потому что завтра, по моей команде ты споешь песню...(в голову ничего не лезло) ... «Веселится и ликует весь народ...».

– Я и песню-то такую не знаю!

– Да я ее и сама не знаю, а ты выучишь. А теперь просыпайся.

Верка пропала.

Ника закрыла глаза: «А теперь пусть...».

– Стоп, стоп, стоп! Я тебе не старик Хоттабыч, – Прохор возмущенно замахал руками. – Ты лучше его прогони. Он мне не подвластен.

Ника повернула голову налево и ужаснулась: на старом месте, на плече, высунув язык, восседало уже однажды прогнанное ею противное коричневое существо.

– Тьфу, тьфу, тьфу! – поспешно сплюнула Ника.

Она зажмурила глаза, потом открыла: противное существо как ветром сдуло.

– Вон он, в углу прячется, – кивнул Прохор.

Коричневое, ушастое, ужасно неприятное существо выглядывало из-за торшера.

– Про себя он все расписал, а про меня ни слова, – оказывается, существо умело разговаривать, – а у меня тоже законное место есть – на твоем левом плече. От меня и толку, может, больше, чем от Прохора, – голос бесенка не соответствовал его внешности: бархатный, с хрипотцой, как у известного барда и артиста Высоцкого:

– Сколько я тебе пользы принес!

– Ты ври да не завирайся, Васек, – забеспокоился Прохор. – Какая от тебя польза, только беды.

– А ты помнишь куклу Барби, Ника? Интересно ведь было с ней играть. Это я тебя надоумил отнять ее у Машеньки.

Ника прекрасно помнила этот позорный эпизод своей жизни. Года в четыре она силой отобрала у соседской Машеньки популярную тогда суперкуклу Барби. Дома сказала, что нашла куклу в песочнице, а потом пришли Машенькины родители... Вспоминать об этом не хотелось.

– А ручка с плавающим внутри корабликом, – хрипел Вася.

И это помнила Ника. Иностранной ручки не было ни у кого в классе, кроме Наташи. И красивая она, и писала тоненькой линией. Носила ее Наташа в правом кармане. А Ника решила стать фокусником и вытащить ручку незаметно. Она думала, что это будет весело. Вынуть ручку у нее получилось, но отдавать сразу не хотелось – пусть заметит. Потом отдавать стало стыдно, а потом страшно – назовут

воровкой. После уроков Наташа плакала. Дома Ника засунула ручку в самый дальний ящик, даже смотреть на нее было противно. Потом она пропала, может, Димка, брат, забрал.

– А десять рублей с комода, а стертая единица в дневнике, а…

– Замолчи! – Нику начинало тошнить от собственной низости.

– А сколько ты ей напакостил с прыщом этим, с Александрой Адольфовной! – вступился за Нику Прохор.

– Я же для пользы, я же…

– Как от него избавиться? – Нику начинало трясти.

– Скажи: «Сгинь, нечистая!» – подсказал Прохор.

– … для того, что чем ты вреднее, тем сильнее, чем… – Вася торопился объяснить свою полезность.

– СГИНЬ, НЕЧИСТАЯ! – решилась Ника. Бормотание прекратилось, Вася исчез.

– Он больше не вернется? – с облегчением спросила Ника.

– Вернется, – вздохнул Прохор, – ни ты, ни я не в силах изменить установленный Богом и Дьяволом уговор. На правом плече – ангел, на левом плече – бес, так было, так есть, так будет со всеми и всегда. В правое ухо даю советы тебе я, Прохор, в левое нашептывает бесенок Вася. Но как поступить, выбираешь ты, Ника. Поступишь, как говорит Вася, и он становится сильнее, а я слабею. Если выберешь меня, то прибавляешь мне силы. От плохих поступков бесенята даже физически растут, перебираются с левого плеча на шею, сталкивают ангела, и никто уже не в силах справиться с этим бесом, и говорят про таких людей – одержимый, бесоватый, пропащий человек. Твой-то Васюнчик, спасибо тебе за поступки, малышок, я его мигом приструню, но ты будь внимательна, волю ему не давай.

– Ни за что и никогда! Я теперь левое ухо затыкать буду, – вспоминать о Васе, а тем более видеть его не было никакого желания.

– Ну, теперь, когда ты уже кое-что понимаешь, я могу приступить к своей почетной миссии, – Прохор поднялся на ноги и величаво распрямился.

– Какой миссии?

– Я здесь по воле Бога. Ты избрана Им стать и быть талантливой, и я помогу тебе выбрать талант.

– Какой талант?

– Глупышка, Бог послал тебе свою монету, на которую ты можешь купить талант. Этот Божий дар облегчит твою жизнь, сделает ее счастливой. Твой талант принесет радость всему человечеству.

– Я счастлива, – пыталась возразить Ника.

– В течение трех дней ты вправе попробовать три таланта, – не слушал ее Прохор, – и оставить себе тот, который придется тебе по душе.

– Как оставить?

– Доверься мне. О, Господи, мы с тобой разболтались! У нас кончается время. Нам надо успеть в город ангелов – Алву, на базар талантов, пока он не закрылся. Согласна?

– Угу! – испуганно кивнула головой Ника.

Вокруг них, в одном направлении, двигалась плотная колонна ангелов в накидках с капюшонами. В руках каждый из них держал чью-то душу.

Глава третья

– Как будем путешествовать? Пароходом, самолетом или по железной дороге? – Ника увидела, что лестница за окном пропала, а прыгать из окна девочка не собиралась.

– Никуда прыгать не надо, – этот ангел Прохор и впрямь читал ее мысли, – путешествовать будем мысленно. Ты будешь путешествовать не вся, только твоя душа. Выпей эту пилюлю, – он положил в протянутую руку оранжевую таблетку, светящуюся изнутри, такие она видела в старом детском фильме «Приключения желтого чемоданчика», они прибавляли смелость.

Ника опять стала серьезно сомневаться в действительности происходящего, но послушно проглотила пилюлю, легла в постель и закрыла глаза.

– Давай, лежебока, пора лететь! – голос Прохора звучал торжественно.

Ника открыла глаза. Она как будто зависла в воздухе посреди комнаты. В ее кровати кто-то лежал. Ника пригляделась – это была она!

– Тебя никто не сможет разбудить, пока душа не вернется в тело. Помнишь сказку о спящей царевне. Она не спала, просто ее душа путешествовала, но Пушкин с поцелуем тоже хорошо придумал, – пояснил Прохор.

Ника подняла взгляд в зеркало, висевшее над кроватью. Из его глубины на нее с удивлением взирал розовенький, в цветастом сарафанчике, поросеночек.

– Не удивляйся, такова твоя душа. Бывает гораздо хуже. А ты очень симпатичный поросеночек, – Прохор чмокнул ее в пятачок. – Смотри только, не вырасти в свинью.

Ника взмахнула одним копытцем, вторым, повернулась вокруг себя – вроде получается, а Прохор был уже за окном и звал ее: «Догоняй! Опаздываем!». Блестящая лестница в сторону луны появилась снова. Ника проскользнула сквозь оконное стекло, никакой преграды, вскочила на движущуюся лестницу и – вот это скорость! – едва успевая перебирать ножками, догнала Прохора. Внизу стремительно удалялись ее родная крупнопанельная высотка, дугообразная улица композитора Лебедева, блистающий огнями Волжский залив, бескрайняя Россия, беспокойная Земля. Ника пыталась разглядеть дедушкину деревню, изогнутую великую Волгу, высочайшую Эйфелеву башню – побывать бы там! – манящий Тихий океан, недоступную Антарктиду. Она, кажется, даже рассмотрела мальчика-японца, ведь в Японии уже наступило утро, и помахала ему своим поросячьим хвостиком.

«А он не близко, этот город Алва», – подумала Ника, когда Земля превратилась в маленький, размером с теннисный, шарик. Она огляделась. Вокруг них сновали ангелы и души.

– Вообще-то для нас, ангелов, путеводные лестницы не нужны, мы можем двигаться в любом направлении, лестница исключительно для тебя, – пояснил Прохор. Он помахал рукой пролетавшему мимо ангелочку и продолжил:

– Сейчас самое время для ангелов восточного полушария. Многие люди спят, есть время навестить родных, посетить различные премьеры, поиграть в тинг-свол. Я смотрю, этой ночью многие умерли: видишь эту вереницу ангелов с душами, они направляются к Вратам Небесным.

Действительно, при кажущейся хаотичности движений вокруг них, в одном направлении, градусов семьдесят в сторону от лестницы, двигалась плотная колонна. Ее составляли ангелы, все в накидках с капюшонами, которые вели под руки дрожащих собачек, кошек, верблюдов и других животных.

Один ангел вообще нес в руках круглый аквариум с рыбкой внутри.

– Это все души? – спросила Ника.

– Да, это души умерших. Человек сам своей жизнью выбирает оболочку своей души.

– Куда они?

– Видишь, свет в конце тоннеля?

– Вижу, как будто десяток свечей зажгли одновременно.

– Там, куда они движутся, Врата Небесные, там город Бога, там Суд Божий, а мы приближаемся к городу ангелов.

Ника не видела никакого города. Там, где кончалась лестница, ступенек через пятьдесят, синела точка и все. Они подлетели, Прохор нажал на точку пальцем и... Так бывает в темном подъезде, где не видно ни дверей, ни лестниц, и страх и ужас овладевают тобой, только синеет кнопка на входной двери, ты жадно тянешься к ней, жмешь и...! Глаза зажмурились от яркого света, послышались музыка, голоса, звуки, появились словно прозрачные хрустальные дома. Это был город ангелов – Алва.

Ника крепко вцепилась в Прохора, боясь потеряться. Они уже не летели, а деловито вышагивали по широкой пешеходной улице. Транспорта не было никакого, небо оказалось розового цвета, солнце отсутствовало, но свет лился отовсюду. Прохор скинул капюшон. При всей необычности лица он кого-то напоминал Нике... «Пушкина», – сообразила она.

Вдоль улицы стояли единообразные хрустальные дома-шары. К Прохору то и дело обращались проходящие мимо ангелы:

– Привет, Прохор! Это твоя душа? Симпатичная. Познакомишь?

– Ты не забыл, Прохор, во вторник финал? Без тебя наша защита рухнет!

– Прохор! В школе ангелов новый прием. За тобой лекция: «Воспитание души – ангельская забота».

Прохор везде успевал: помахать рукой, пошутить в ответ, ласково взглянуть, дать совет, крепко обняться.

– Прохор, а тебе не говорили, что ты похож на Пушкина? – Нике приятно было осознавать популярность и компетентность своего ангела. – Так и буду тебя звать теперь – Прохор Пушкин. Слушай, а почему ты мне ничего не рассказываешь про этот город. Я знаю про все города, где бывала, а про Алву без твоего рассказа мне и вспомнить потом будет нечего.

– Насчет Пушкина спасибо. Буду теперь отращивать бакенбарды. А про город я с удовольствием, – Прохор артистично распрямился и развел руками. – Добрый день, дорогие друзья! Мы рады приветство-

вать вас в замечательном городе Алве, с которым познакомлю вас я, Прохор ... Пушкин. Поверните рыльца налево. Перед вами старейшее здание нашего города. Шестиярусное, в честь шестикрылого Серафима, полусферическое монументальное творение – Школа ангелов имени Андрея Первозванного. Именно здесь готовят себя к благословенному труду неокрепшие ангелята. В течение шести циклов они изучают такие важные предметы как физиология и психология человека, законы Бога, чудеса и волшебство, черная магия и борьба с ней... Зайдем, Ника?

Прохор взмахнул рукой, открылась прозрачная дверь, пахнуло множеством разных запахов: чесноком, маминими духами «Шанель номер 5» и бензином. В узком коридоре мерцали семь разноцветных лампочек: красная, оранжевая, желтая, ... каждый охотник желает знать, где сидит фазан... «Цвета радуги», – догадалась Ника.

– Заглянем к карапузам, – пригласил Прохор и нажал красную кнопку. – Так у нас называются ангелы начального курса обучения.

Прохор с Никой стояли на зеленой лужайке, журчал ручей, пахло скошенным лугом, вдалеке высились горы, ветер шуршал листьями на березе. От группы ангелов без накидок отделился преподаватель в красном и подлетел к ним.

– Прохор, здравствуй, у тебя сегодня нет лекций. Да ты не один! Я, кажется, догадываюсь, кто это.

– Это Ника, закрепленная за мной душа. Ника, Семен – мой однокашник.

– Наслышан, наслышан, – хитро подмигнул Нике Семен.

«О чем?» – подумала Ника.

– Слушай, Прохор, я тут провожу лекцию о природе Земли. Было бы кстати, если бы Ника что-нибудь рассказала?

Не успела Ника кивнуть головой, как ее окружили карапузы.

– А вода мокрая?

– А почему люди не летают?

– А когда спишь на сеновале, сено колется?

– А сколько звезд на небе?

Ника стала думать, что ответить. Вспомнила лето, как папа взял ее на рыбалку. Дрожащий поплавок, поклевка, тяжесть рыбины, учащенное от волнения дыхание. Речная освежающая прохлада, яркое солнце, желтый обжигающий песок. Алый закат, дымящийся котелок, уха. Переливы углей в костре, шелест набегающих волн, звезды, звезды, звезды... Как об этом рассказать?

– Не надо рассказывать. Они уже научились все понимать без слов, – Прохор был задумчив, – так все и было, я помню.

Маленькие ангелы оживились:

– Это действительно так прекрасно?

– Расскажите еще!

– На сегодня все, в другой раз, – Прохор схватил Нику за руку, едва та успела глотнуть пряный запах лета, и они снова оказались на улицах Алвы.

– С экскурсией повременим, сейчас сразу на рынок талантов, – Прохор с Никой стояли перед шестигранником, который шпилем уходил в небо и терялся в бесконечности.

– Перед тем, как мы зайдем на рынок, несколько слов. То, что уходит в небо – это проводник даров и талантов. По нему ежедневно из Эстобана, города Бога, к нам поступают дары и таланты умерших для распределения среди живущих. Количество даров и талантов не меняется, их баланс постоянен. Бог сам решает, кого наделить талантом, и посылает им свои дарственные монеты. Монета твоя – тебе и принимать решение. Всего три попытки, можешь остановиться на первом, втором или третьем таланте. Вопросы есть?

Ника сжимала в ладони блестящую монету «ТРИ ТАЛАНТА».

– Я все поняла!

«Не продешевить бы», – подумала девочка.

Базар он и у ангелов базар. Жара, вывески, духота, крик.

– Подходи! У нас богатый выбор талантов. Ника уже знала, что талант или дар – это свеча. Прохор объяснил ей, что, когда она выберет талант, надо взять свечу в руки. Продавец зажжет ее, Ника дунет, и свеча пропадет, а талант будет гореть внутри нее. – Выбирай, красавица! Вот кулинарный дар: украинские борщи, грузинский хинкали, узбекский плов – бери!

«У мамы научусь», – решила Ника.

– Тогда танец выбирай. Отличный талант – последней хозяйкой была Айседора Дункан. Никто не берет пока. Как птица летать будешь, фигурка будет, сама как лебедь станешь.

– Вот если бы танцевать как Волочкова, а Айседору какую-то я и не знаю.

– Настин талант занят самой Волочковой, она еще танцует, и людям это нравится, так пусть танцует со своим талантом, – объяснил продавец.

«Нет, Волочкову бы взяла, а с Дункан рисковать не буду», – решила Ника.

– А ты посмотри, какие дары замечательные: дар предвидения, дар воду чувствовать – чтобы колодцы рыть...

– У нас водопровод. Я еще похожу, посмотрю.

Зазывно кричали продавцы. Покупателей было мало, и все продавцы пытались завлечь к себе Нику:

– Отличный талант художника, точное изображение всего, что вы увидите вокруг. Капля воды, стремительный полет стрекозы, неуловимое облако – все в вашей власти. Можно работать архитектором, модельером или дизайнером. Мировые показы, шаг в вечность, слава и деньги – вот ваше будущее!

«Художники становятся классиками после смерти, а спиваются до, как говорит папа. Не то, пока не то. Я и без этого рисую неплохо», – вспомнила Ника букет, нарисованный ею в стенгазете к 8 Марта.

Следующего продавца Ника видела на Северной Ярмарке. Горячий азербайджанец торговал там мандаринами. Если это был не он, то уж наверняка один из его родственников.

– Ах, красавица! Не проходи мимо! Какой пятачок, какой хвостик. У меня тебе замечательный подарок. Такой талант нигде нет. Уникальный талант, единственный. Я его другим даже не показывал, тебе берег. Ах, какой у тебе красивый щетинка. Такой щетинка никогда не видел.

– Что вы продаете, в конце концов? – не выдержала Ника.

– Ушами шевелить!

– ?!

– Уши твой как крылья бабочки, бяк-бяк, вверх-вниз, – все тебе хлопают, все тебе удивляются, в цирке работать будешь! Подожди, куда ты?

Ника, махнув рукой, поспешила дальше. Время истекало. Она пыталась в нескончаемом гуле уловить необходимое.

– ...Идеальный слух в комплекте с идеальным басом...

«Бас не для меня».

– ...Отличная память, умножение, деление, извлечение корней...

«Может быть, может быть».

– ...Великолепное обоняние, острое зрение, гибрид орла и собаки ...

«Лучше останусь человеком, хотя сама – как поросенок».

– ...Физические данные, гарантированы высокие результаты в любом виде спорта, мировые рекорды, всепланетная известность ...

«Здорово! Надо брать! Весь мир увижу, призовые получу, здоровье, фигура – одни плюсы», – последняя Олимпиада, которую папа смотрел, не отрываясь, мелькнула у Ники перед глазами.

– Я выбрала, я согласна, хочу быть великой спортсменкой! – Прохор уже был рядом, рыжий продавец держал в руках фигурную свечу.

– Чем платите? Ого, «ТРИ ТАЛАНТА»! Бог тебя любит, поросенок!

Продавец взял у Ники монету, опустил в прорезь какого-то аппарата, раздался щелчок – монета вылетела назад. «ДВА ТАЛАНТА» – надпись изменилась.

Ника взяла в руки свечу, рыжий поджег ее зажигалкой в форме змеиной головы. Свеча вспыхнула как бенгальский огонь и пропала.

– Поздравляю! – Прохор поцеловал Нику в пятачок, – Это событие надо отметить.

– «McDonalds», «Two pizza»? – вспомнила любимые заведения Ника.

– Это будет покруче! – заверил Прохор.

...Ника с Прохором сидели в уютном кафе. Звучал Мусоргский, «Рассвет над Москвой-рекой». Все столики были заняты.

– Что закажем? Чем будем расплачиваться? – беспокоилась Ника.

– Здесь одно блюдо – Божественный нектар, а расплачиваться – это моя забота, – успокоил ее Прохор.

Божественный нектар, поданный в бокалах в форме сердца, был цвета вишни, но от него стойко пахло земляникой.

– Я желаю, чтобы твой талант помог тебе и всей России, оказался во благо мне и в упадок бесенку Васе, был реализован и принят! – Прохор был торжественен, как на присуждении Государственной премии. Ника видела однажды по телевизору, как эти премии вручали.

Ника сделала глоток, и ее сознание словно воспарило. С бешеной скоростью в голове проносились какие-то картины, и все было красиво, все было правильно, все было приятно! Прохор молчал – он знал, что с ней происходит.

– Расслабься, – посоветовал ей ангелок.

Ника вспомнила: сильные папины руки подбрасывают ее к небу, бесконечная уверенность в его силе, абсолютно счастливое мгновение, она все время мечтала туда вернуться, и наконец это сбылось!

– Ника, нам пора! Тебе понравилось – все повторится! – Прохор был понятен и близок, как брат.

В голове стало легко и ясно. Прохор и Ника уже минут тридцать бродили по улицам Алвы, которые заметно опустели – ангелы улетали на работу, на Землю.

– Этот особняк был возведен пять тысячелетий назад. Здесь ежегодно проходит церемония награждения лучших ангелов мира, проходят конкурсы среди ангелов, лауреатом одного из них являюсь и я, – продолжал экскурсию Прохор.

Здание было величественно и представляло собой ансамбль величайших архитектурных достижений человечества: египетские пирамиды, Зимний дворец, Тадж-Махал, Собор Святого Павла, Кремль, Великая Китайская стена, вдоль которой были расставлены красивейшие скульптуры: Давид, Петр I на коне… всего не разглядеть.

«У нас подсмотрели, – Ника задумалась, – а может, мы у них».

– А это Спорная палата, – Прохор указывал на ажурное здание в виде весов, – здесь решаются спорные вопросы с Дьяволом по владению душами.

– Как это?

– Иногда заключаются договоры, результатом которых является продажа души Дьяволу. Мы пытаемся вернуться к совместному владению данной душой. Иногда получается. Бывают спорные вопросы зон, территорий, противоправных методов и действий. Ого, нам пора!

– На Землю?

– Пока нет. Приглашаю тебя посетить полуфинальный матч Кубка Алвы по тинг-сволу.

Стадион был полон. Ангелы на трибунах неистовствовали: кричали, свистели, пели, били в барабаны, совсем как земные фанаты.

– Игра тинг-свол уходит корнями в далекое прошлое, – объяснял Нике Прохор, – название игра взяла от волшебных заклинаний: «ТИНГ» – с помощью этого заклинания ангел лишается возможности двигаться, «СВОЛ» эту возможность ему возвращает. Цель игры – завладеть амфорой с божественным нектаром. У кого в конце игры

больше амфор, тот и победил. Встречаются сборные ангелов Австралии – они в зеленом – и Азии, в желтых накидках.

Ника стала следить за игрой. Ангел в зеленом мчался к амфоре желтых, установленной на гранитной подставке. «Тинг», – остановил его защитник, но следом мчался еще один нападающий, «Тинг», еще один, «Тинг», «Тинг». Остановленные нападающие замерли рядом, плечо в плечо, образовав стенку. За ней спрятался последний нападающий, атакуемый четырьмя защитниками. Он ловко маневрировал, уворачивался, проскальзывал сквозь щели в стенке, которые тут же закрывались перед защитниками. Своими действиями он стянул защитников в «мертвую» зону, а сам вдруг громко крикнул «Свол» и коснулся ближайшего партнера в стенке. Трибуны взревели. Ангел в зеленом, получивший возможность двигаться, летел к амфоре желтых, и никто из соперников, блокированных стенкой, был не в силах ему помешать. Под овацию трибун он водрузил амфору на трофейную стойку, к двум другим, завоеванным ранее. Желтые выставляли на гранитную подставку новую амфору.

Нике эта игра что-то напоминала. «Точно! Так играл папа в детстве. Он рассказывал, что в игре принимали участие все дети, от мала до велика. Только целью была не амфора, а флаг соперника, а называлась она... кажется, «Замри».

Возбужденные ангелы обсуждали закончившуюся встречу. Зеленые победили.

– Завтра играем с ними за Кубок. Я в составе Европы, – было видно, как волнуется Прохор. – Твердый орешек эта Австралия! Ладно, тебе пора домой. А без лестницы не боишься?

– Нет, не боюсь! – согласилась Ника.

Прохор нажал на синюю кнопку. Город как будто выключили. Вокруг были только звезды. У Ники от скорости перехватывало дыхание. Стремительно приближалась прекрасная Земля – точка, шарик, мяч, сфера, все впереди. Европа, Россия, родной город с лабиринтом знакомых улиц, ее родная улица композитора Лебедева. «Дзинь» – это Ника уже в своей спальне. Целую вечность не была она здесь. Как тут уютно: мягкий мишка, торшер, фотография на стене. Вот только как вернуться в свернувшуюся калачиком на постели саму себя?

– Успокойся, это моя задача. Закрой глаза и расслабься, – голос Прохора был успокаивающе мягок. Ника подчинилась.

Ника уже знала,
что талант или дар –
это свеча. Когда она
выберет талант,
надо взять свечу
в руки и зажечь её.

Глава четвертая

Солнце ярко светило в окно. Разнеженная, хорошо выспавшаяся Ника медленно приходила в себя: «Весна, тепло, запахи с кухни, шкворчание сковороды, папино напевание в ванной под журчание воды, – она осторожно открыла один глаз. – Вот оно, счастье!». Что-то ей снилось ночью, но что, она не могла вспомнить. Это было что-то невероятное, интересное, заметно влияющее на изменение ее жизни к лучшему, надо только вспомнить, что. Дима Билан из будильника в мобильном показался девочке лучшим утренним подарком. В ванной Нику ждало приятное и неожиданное открытие: прыщ пропал полностью, не было и следа.

– Мам, чем ты меня вчера намазала? Надо бы запомнить. Отличное средство, моментально действует.

– Да обычной перекисью водорода! Ты всегда ею пользовалась. Быстрее за стол – завтрак стынет.

На кухонном столе Нику ждал завтрак: чудо-творожок, оладьи с джемом, сгущенная шоколадная паста, дымящиеся баварские сосиски и что-то еще, название чего надо было искать в кулинарных книгах.

– Это что?! Новый год или мой день рожденья! – ошеломленно промолвила Ника.

– Это просто так. Решила тебя побаловать! Ну и папу заодно, – чмокнула ее в щечку мама.

Жизнь радовала. Уходя на работу, папа остановил ее в коридоре, расцеловал и прошептал, незаметно от мамы сунув в карман сто рублей:

– Это тебе на конфеты.

«Редкое явление, примерно как извержение Ключевской сопки», – Ника бросила сотню в копилку: целее будут.

На остановке соседка сверху тетя Света рассказывала попутчице:

– ...И о плохом не смей думать! Мы сами навлекаем на себя несчастья: ой, упадем, думаем – и падаем; ой, сейчас заболит, заголосим – и точно заболит; ой, не успею, жалуемся – и, как назло, опаздываем. А надо себя на хорошее настраивать – хорошее и случится. Ах, паразит поганый! – водитель-лихач обрызгал всю остановку грязной талой водой. Глядя на других, Ника начала отряхиваться от грязи, хотя на нее не попало ни капли. «Случайность, а приятно. Буду себя настраивать только на хорошее», – решила Ника. «Ой, сейчас кучу пятерок получу; ой, с Денисом поболтаем; ой... похудею».

У школы галдела ребятня. Весенний воздух до самого звонка не отпускал ребят в классы. Девчушки из младших классов использовали подсохший асфальт для игры в классики, те, что постарше, прыгали через резинку. Старшеклассники торчали за углом – курили подальше от учительских глаз. Не проходить же мимо – Ника подрулила к одноклассницам.

– Свет, у тебя в триста сороковом какой ответ получился? А по английскому стихотворение выучила? Да вы что все молчите-то? – девчонки почему-то испуганно таращились на Нику. Отвернувшись, закрывала лицо руками Валя. Плечи ее вздрагивали.

– Ты что, Валь, что случилось?

– На-на, смотри, как ты и сказала, ровно двадцать штук, – Валины щеки, нос, подбородок и особенно лоб были украшены малиновыми прыщами. – Ведьма!

– На, помажь, завтра пройдет, обещаю! – покачивая головой, Ника протянула Вале пузырёк. Она была в такой ситуации и прекрасно понимала, каково той сейчас. – Мне же помогло, и у тебя все нормально будет, успокойся, гарантирую. А вы что уставились? Да не ведьма я, а добрая фея, и всех вас дома ждут торты, а прыщи – это просто... переходный возраст, – вспомнила она мамины слова.

В вестибюле на видном месте висел плакат: «Желаем успешного выступления в чемпионате города по лыжам сборной школы: Семеновой С., 10 «В», Шестипалову Н., 9 «А»... Ника уже собиралась пройти мимо, как вдруг в глаза бросилось: «Сидоровой В., 7 «Б».

«Какой-такой Сидоровой В., в 7 «Б» только я Сидорова В., что за шутки», – не могла понять Ника.

– Сидорова! Специально тебя жду! – Сергей Николаевич, учитель физкультуры, спешил к ней от раздевалки. – Как у тебя с ногой? Не болит? Синяк большой? – Ника с утра и не вспоминала про свою оцарапанную ногу.

– Выручать надо, – продолжил Сергей Николаевич, – Красикова заболела, я тебя в сборную включил, хотя бы для зачета, ты же вчера на рекорд школы шла. Вера, сама знаешь, на республиканской олимпиаде, кроме тебя некому. Согласна? Ну спасибо. После четвертого урока, что там у тебя? – заглянул он в расписание. – Давай за лыжами, я тебя освобожу от математики, и в двенадцать выезжаем на стадион.

Ника не вымолвила ни слова, только кивала головой. Школу надо выручать!

Столь положительное утро заставляло крепко задуматься: «Откуда столько везения, что ждать впереди, смены белой полосы на черную, или выигрыша в лотерею, а может, еще одной единицы по английскому? Нет, сегодня положительно случается то, что не случилось вчера».

Ника осторожно вошла в класс. «Сколько с ними, с одноклассниками, прожито: уроки, походы, конкурсы, соревнования. За семь лет все почти стали родными и близкими. Лена мне в первом классе помогала, с Колей подрались во втором – смешно вспоминать, с Надей одновременно влюбились в Руслана, он в другую школу ушел. А сколько еще всего впереди», – думала Ника, проходя к своей парте мимо торопливо списывающей домашнее задание Лены, зевающего конопатого Николая, разговаривающей по мобильнику Надежды. Раздался звонок. Дениса опять не было. «Вот тебе и смена полосы», – подумала Ника.

– Good morning! – начала урок Тумбочка, – В начале урока я хотела бы извиниться перед Сидоровой, – от неожиданности Ника икнула, – ее работа нашлась, выполнена аккуратно и без ошибок. У тебя пятерка, Вероника. Я вчера была на эмоциях и безосновательно обвинила тебя в этой гадости. А тот, кто так глупо пошутил над тобой

и надо мной ... Бог ему судья. Петров, ты что крутишься, как уж на сковороде?!

– Обжегся утром, Александра Адольфовна, терпеть невозможно, как болит.

У Ники все похолодело внутри. Неужели опять сбылось ее вчерашнее предсказание. Она точно помнила, как пообещала вчера Вале, что тот, кто ее подставил, будет крутиться, как уж на сковородке.

– Как же тебя угораздило задницу обжечь? – класс грохнул хохотом. – Сходи в медпункт, – посоветовала Тумба.

– Александра Адольфовна, разрешите на секундочку, я в гардеробе ручку забыла, – Ника решила подтвердить свою догадку и выскользнула из класса вслед за Петровым.

– Спасибо тебе, Петров, забыла... как тебя звать-то, – остановила его Ника в тихом пустом коридоре.

– Костя, а за что спасибо-то, – едва взглянув на Нику, Петров перевел взгляд на портрет Достоевского, висевший рядом с кабинетом литературы.

– Да я, благодаря тебе, знаешь, какая теперь сильная стала. Я после вчерашней твоей шутки с контрольной теперь вообще плакать не буду, никогда. Ты ведь эту подлость специально, чтобы меня потренировать, сделал?

– Ты че мелешь-то, Сидорова, я тут вообще не при чем, – взгляд Петрова переполз на Пушкина.

– Тяжело тебе, да? Подлость – это слабость, ты слабый, да? Ничего, это пройдет, но не само, надо захотеть стать сильным и ... честным. Я помогу, ты скажи, если надо! – Петров застыл как каменное изваяние, но пламенеющее лицо и громкое сопение доказывали, что именно он вчера подсунул злополучный листок. – Вот видишь, ты даже краснеть можешь, значит, не все потеряно. Я тебя теперь по имени звать буду, договорились, Костя?

Пооткрывав рот, как задыхающаяся рыба, Костя затарабанил скороговоркой:

– Я же не сам, меня же попросили, я же против тебя ничего не имею, но она же, она попросила, – Петров махнул рукой и, нервно подпрыгивая, побежал в сторону здравпункта.

– Соснова, что ли? – Нику осенило: Петров, как и все мальчишки, был неравнодушен к Верке.

– Попробуй только кому сказать, я тебе ничего не говорил, – донеслось из глубины коридора.

– Твоя подлая душонка – наш общий секрет, – парировала Ника.

«Ну Верка, ну и вонючка, за что она меня так ненавидит?» – Ника взглянула на портрет Пушкина: «Кого он мне напоминает, кроме себя самого?» – мучилась она, возвращаясь в класс.

На перемене Костя забрал портфель: сидеть было совершенно невозможно, и он ушел домой лечиться. Смотреть на него было больно: он прятал от Ники взгляд, потел и нервно хихикал.

Но это были цветочки. То, что случилось на следующем уроке, информатике, повергло всех учеников в состояние тихого шока.

Верку-вонючку не было заметно с самого утра. Она задумчиво просидела первые два урока, иногда недоуменно глядя на Нику, словно пытаясь о чем-то ее спросить. Но Ника была полностью поглощена необычностью сегодняшнего дня и не обращала на Веру никакого внимания. Всем было известно, что сегодня Вера должна участвовать в республиканской олимпиаде по английскому языку и, видимо, полностью погружена в обдумывание своей непременной победы. Лучше нее по английскому в школе не было никого, и шансы на победу в республике считались высокими.

У преподавателя информатики Людмилы Петровны Вера была любимой ученицей. Тонкий изящный пальчик скользил по фамилиям учеников в классном журнале.

– О компьютерных параметрах нам сегодня расскажет... нам расскажет, – у некоторых учеников оценок не было вообще, у Веры же стояло пять пятерок, но этого Людмиле Петровне казалось мало, – расскажет... давно я не спрашивала Соснову. Вера, прошу к доске.

Верка вздрогнула, оторвала взгляд от колготок Людмилы Петровны, и робко подошла к учительскому столу.

– Смелее, Вера, смелее, – подбодрила ее Людмила Петровна.

«Давай, Верка, начинай, мало тебе пятерок», – ехидно подумала Ника.

Вера испуганно на нее взглянула, глубоко вздохнула и начала:

– Глинка, «Попутная песня».

– Что, что? – оторвалась от журнала Людмила Петровна. Вера повела левой рукой в сторону учительницы и быстро запела приятным сопрано:

«Веселится и ликует весь народ, в чистом поле, в чистом поле, в поле чистом.

Веселится и ликует весь народ, в чистом поле, в чистом поле, в поле чистом...»

В глазах у Веры был испуг. Людмила Петровна держалась за сердце и пыталась захватить ртом побольше воздуха. У Веры выступил пот, усилием мышц она пыталась прикрыть рот рукой, но правая рука взмахом метнулась к окну, и она продолжила:

«В чистом поле, в поле чистом, в чистом по-о-о-оле!».

Людмила Петровна пришла в себя и попыталась поймать Веру руками, но та ускользнула и, плавно передвигаясь в проходе между партами, перешла к припеву:

«Весенняя песня, лети веселей, мы снова все вместе средь милых друзей...».

Ника чувствовала, что происходит что-то ужасное, и она к этому причастна: «Хватит, хватит, остановись!».

Песня оборвалась. Вера поклонилась Нике и села на свое место.

– Верочка, возьми вещи, пойдем со мной, – подчеркнуто вежливо Людмила Петровна подхватила Веру, и они вышли из класса.

В классе стояла мертвая тишина,

– Перезанималась бедняжка, – покачала головой Валя. У Ники были смутные сомнения, что это не так. Людмила Петровна вернулась одна.

Потом у Ники состоялось очередное свидание с любимым предметом, историей. Причин, по которым этот предмет стал любимым, было несколько.

Во-первых, сам преподаватель, Александр Петрович, «Батенька». Это уважительное прозвище досталось ему от себя самого. «Вот тебе, батенька, и Юрьев день!» – заканчивал он каждый свой рассказ, скрестив руки на груди и вглядываясь в далекий лесок за школьным окном. И всем казалось, что сейчас оттуда появятся орды Чингизхана, стремительно промчится спасающийся от стрелецкого бунта Петр I, или Иван Сусанин поведет поляков в глубь леса, – видение зависело от темы урока.

Во-вторых, ее крестная – тетя Таня. Ника была воспитана на тетиных рассказах. Когда та что-то рассказывала, все вокруг замирали. Невозможно было понять, что это: сказка или быль, выдуманный

персонаж или реальная историческая личность. Сколько раз во время школьных уроков Ника радостно замирала: «А я это уже знаю, тетя Таня рассказывала, когда грибы собирали, или когда в огороде работали? Неважно, когда. Главное, вот-вот съедутся на поле Куликовом два богатыря!». Да и работала тетя Таня, кандидат исторических наук, на кафедре всеобщей истории. Ника не очень понимала значение этого звучного слова – кафедра, и ей часто казалось, что вся история сделана самой тетей Таней. Вот захочет она, и не падет Рязань перед ханом Батыем, не разобьется Юрий Гагарин.

Ну и в-третьих, сама Ника была ужасной выдумщицей. Она любила переноситься в прошлое.

Вот она сидит в сквере перед гостиницей «Столица». Мимо снуют иномарки, гудят троллейбусы, идет ремонт старых домов, построенных в пятидесятые, торопятся куда-то беспокойные прохожие. И невдомек им, что ничего этого не видит худенькая рыжеволосая девчонка на скамейке, что она в далеком 1942 году, на окраине города Энска, тревожно всматривается в проселочную дорогу, всю в рытвинах и колдобинах. Это дорога до железнодорожной станции, почти четыре километра, сотни могучих берез на обочине. Оттуда тянется вереница телег. «Но-о-о», – командуют лошадям возчики, которые перевозят оборудование эвакуированного электроаппаратного завода. Прямо перед Никой каменщики подводят под крышу производственный корпус, кирпичами другого цвета выкладывая цифры: 1942. Девочка вглядывается вдаль: нет ни кинотеатра «Луксор», ни телевышки, ни четвертой школы – ничего этого пока еще нет. Вон порхнула стайка девчонок в цветастых платках, может, вот та, в середине, ее бабушка Аня.

– Ника, ты что, уснула, я же совсем недолго, – это мама трясет ее за плечо. Ника вздрагивает: снова вокруг троллейбусы, снова гостиница, снова 21 век. «Да тебя, мама, лет 60 не было», – хочется пошутить Нике.

Такое с ней бывало часто. Куда она только не переносилась, что она только не видела, благодаря своей неуемной фантазии: динозавров, щиплющих травку на юго-западном косогоре, рослых абашевских воинов с топорами в руках, графа Лакреева, мчавшегося на тройке вдоль Лакреевского леса.

Сегодня Батенька рассказывал о крепостном праве. Никины мысли метались от возмущения жестокостью помещиков, до... пустого места

рядом с нею. Где же Денис? Так хочется толкнуть его локтем, обменяться мнениями. «Позвоню потом на мобильный», – решила Ника.

Прозвенел звонок.

– Вот тебе, батенька, и Юрьев день, – закончил урок Батенька, скрестил руки и замер, глядя в окно. Оказывается, Юрьев день имел непосредственное отношение к крепостному праву.

– Ни пуха, ни пера, – пожелали Нике удачного выступления на соревнованиях одноклассники, у которых впереди еще была математика, и Ника рванула домой за лыжами.

Через час она вывалилась из троллейбуса у стадиона. От остановки до места старта было метров двести. Оттуда доносилась веселая музыка, колыхались на ветру разноцветные флаги, трепетал ярко-красный лозунг «Привет участникам соревнований!».

– Представителей команд прошу пройти регистрацию и получить стартовые номера! – разносился усиленный колонками голос судьи-информатора.

– Сидорова, ну слава Богу, теперь у нас полный зачет, – Сергей Николаевич поставил галочку напротив Никиной фамилии, – иди, разминайся, подъезжай минут через десять за номером.

Все, что творилось в стартовом городке, Нике очень нравилось. Соревновательная суета была ей пока незнакома. Гремела музыка, что-то объявлял судья-информатор, яркие лыжные костюмы колоритно смотрелись на фоне заснеженного соснового леса, кто-то готовил к соревнованиям лыжи – такие красивые Ника видела впервые – кто-то согревался горячим чаем, кто-то уже стремительно проносился по лыжной трассе в глубину леса, поднимая за собою вихрь снежинок.

«Вот это скорость! Куда я попала, что мне здесь делать», – испуганно думала Ника, пристегивая свою старенькую «Карелию». Рядом готовилась к соревнованиям хрупкая конопатая девчонка в темно-синей лыжной шапочке, оказавшаяся невероятно общительной.

– А как тебя звать? А меня Света.

– Вероника.

– А ты из какой школы? А я из тридцать пятой. А ты лыжи сегодня чем мазать будешь, полностью или под колодку?

«Ну прямо Щебетова какая-то, – подумала Ника, – на какой вопрос отвечать? Ну ладно, отвечу на все по порядку».

– А я из четвертой. А разве лыжи надо мазать? А что такое колодка?

Получался вопрос в ответ на вопрос. «Опозорюсь! Полностью провалюсь!» – убедилась в своей неготовности к старту Ника.

– Да ты что! На плюсе колодку надо мазать обязательно! А то на подъеме проиграешь. А ты на тренировках сколько проезжаешь?

– Я не тренируюсь. Я с родителями по воскресеньям катаюсь.

– А-а-а. Так ты так, для зачета?

– Ну да, для зачета.

– А я на победу надеюсь. Каждый день по десять, а то и по пятнадцать километров пробегаю. Сейчас и коньковый стиль совершенствую.

– А я думала, коньковым на коньках бегают.

– Ну ты даешь, – хихикнула Света, – да как ты сюда вообще попала-то? Мешаться только будешь на трассе. Ты лучше сначала не рви, в конце пойдешь, – с чувством превосходства посоветовала Света, убедившись, что Ника ей совершенно не соперница и, взмахнув палками, укатила на лыжню. Ника вздохнула и поехала следом.

– Слушай Сидорова, вот твой номер, давай помогу привязать. Ваш возраст стартует первым, через пять минут. Ваша дистанция – два километра, отмечена синими флажками. Смотри, не ошибись. Только не рви, твой результат ой как для зачета нужен. Старшеклассники у нас сильные, можем и в призеры попасть в командном зачете.

– Да я трассу знаю, с родителями проезжала не раз, – посмотрела Ника на свой номер – 47 – и поехала к месту старта.

Старт был общий, по пятнадцать человек в ряд, всего около тридцати человек.

– Ни пуха, ни пера, – пожелала она успеха Свете, переминающейся в первом ряду, и заняла место с краю во втором ряду.

– На старт! Внимание!.. – «Бах», грянул выстрел и, расталкивая друг друга, все бросились вперед. Ника решила не спешить в начале, где был длинный спуск, а постараться догнать всех на длинном подъеме. Она оказалась права. Какой-то девочке наступили на лыжу, и она уткнулась носом в снег, не успев среагировать; на нее наехала вторая, третья и еще, еще. Человек семь лежали в снегу, пытались встать, отталкивая друг друга, валялся обломок чей-то лыжи. Ника аккуратно объехала свалку и бросилась сокращать уже большой отрыв от основной группы.

Ветер свистел в ушах, в спуск Ника сильно толкалась палками и низко приседала, как учил папа. Но сейчас ее несло вниз гораздо

быстрее, чем когда-либо. «Не упасть бы», – подумала Ника, видя, как стремительно приближаются участники, едущие впереди. Там, где спуск переходил в подъем, Ника съехала с основной лыжни, чтобы не столкнуться с другими, и сразу обогнала трех участниц. Вверх скорость упала, но Ника все равно бежала быстрее остальных. Чтобы ей не мешали, она так и продолжала бежать сбоку от основной лыжни, краем глаза отмечая номера обгоняемых участниц: 4, 37, 25, 43…

«Что происходит? Мои лыжи никогда так не скользили. Папа, что ли, намазал. А если силы не хватит? Да нет, она как будто наоборот прибавляется. Может, я съела что-то», – работая палками, мысленно пошутила над собой Ника.

Впереди гремела музыка, ярко пестрели флаги, приближался стартовый городок, скоро спуск и второй, финишный, круг.

– Молодец, седьмой идешь, первой проигрываешь двадцать секунд, отдохни на спуске и потерпи на подъеме, терпи… – рядом бежал Сергей Николаевич.

«А чего терпеть-то, да не устала я», – подумала Ника, взмахнула палками и ринулась вниз. Сергей Николаевич сразу отстал.

Она даже не успела сосчитать, сколько девочек обогнала на спуске, мысли были поглощены кончиками лыж, борьбой за равновесие – не упасть! Зато, когда пошла в подъем, взглянула вперед. Далеко, ни за что не догнать, синела Светина шапка.

«А что там Света говорила про коньковый ход? А если попробовать?» – Ника представила, что она на катке, а на ногах коньки. Раз-два, раз-два. Получилось! Ника как будто скользила по лыжне на коньках, и как стремительно скользила! Синяя Светина шапочка приближалась. Финиш тоже. Что там творилось!

– Света, Света! – рев Светиных болельщиков заглушал остальных.

– Ника, терпи, терпи, поработай, поработай, дорогая, – Сергей Николаевич, как паровозный гудок заглушал всех абсолютно.

Ника не шла, Ника не бежала, она летела как птица! Одним махом она пролетела финишную черту, Света осталась сзади.

– Победу одержала участница под номером сорок семь, Сидорова Вероника, школа номер четыре, – гремело над стартовым городком. Сергея Николаевича впору было забирать в психбольницу, так он кричал, обнимался и целовал всех подряд без устали. Ника вертела

головой, не верила в случившееся и была безмерно счастлива. Когда она поднялась на первую ступень пьедестала почета, ей пожала руку Света, стоявшая на второй:

– Хитрая ты, Сидорова, специально обманывала, «с роди-телями катаюсь», но талантливая, везучая. Пропустила я твой рывок, сама виновата. Ты молодец, давай дружить. А я, наверное, тренировалась мало, но все лето впереди, себя вообще жалеть не буду, посоревнуемся через год. Я обязательно тебя побью, – в глазах девочки как будто блеснули слезы. Нике стало грустно. Почему? Ведь именно ей вручали главный приз.

Вечером был торт. Мамины поцелуи, папины восклицания:

– Я верил, верил в тебя. У меня знакомый – директор спортивной школы, я договорюсь, начнешь там тренироваться. Надо Димке в Москву позвонить, пусть порадуется!

День заканчивался: невероятный день, счастливейший день за всю ее жизнь. Усталая, Ника забралась в постель, удовлетворенно и расслабленно вздохнула и закрыла глаза. «Щелк», сам собой включился музыкальный центр. Ника вздрогнула, этот щелчок что-то напомнил ей. Зазвучала нежная, проникновенная, Никина любимая мелодия Сен-Сенса – «Лебедь»... Ника открыла глаза.

Ника взглянула на Васю с содроганием: непричёсанный, голенький, худой, ушастый, он вызывал не самые приятные чувства.

Глава пятая

– Привет, – Прохор, позевывая, сидел на люстре. – А-а-пчхи, ну и пыли у тебя здесь. Ты хоть убираешься когда-нибудь? Ох и вымотался я сегодня.

– Я до люстры не достаю, но завтра что-нибудь придумаю, вытру, – Нике даже стыдно стало.

– И не вздумай! А мама на что? Родители созданы, чтобы создавать ком-форт-ные условия для детей, – Ника обернулась на голос со знакомой хрипотцой. Васек сидел под торшером и теребил правое ухо. – Ты, Прохор, у нас один устаешь, а я как будто весь день ножками к потолку валялся.

Ника вспомнила свой ночной сон: Прохора, Васю, серебряную лестницу, город Алву, свой – о, Господи! – талант. Значит, не приснилось.

– Конечно, не приснилось, – Прохор перелетел на правое плечо. – Капли, пролетевшие мимо, пятерка по английскому, шикарный завтрак, сто рублей на конфеты, это тоже не приснилось, и это все сделал я.

– Вспотел, наверное, от усердия. А Валькины прыщи, а Петров обожженный, а Верка эта, идиотка, тоже, скажешь, ты? Нет уж, Прохор, все это моя работа, – Ника обернулась: на левом плече у нее уверенно восседал Вася.

– Ты работай, работай, да не заработайся! От твоих проделок травмы, слезы, потеря авторитета и нравственности.

– А от тебя слабость характера, потеря материальной выгоды и рваные колготки, альтруист несчастный.

– У меня колготки не рваные, – успела вставить Ника, вертя головой из стороны в сторону, от Прохора к Васе и обратно.

– Рвач, вор и мошенник, – задыхался от гнева Прохор.

– Слабак, святоша нищий, с тобой Ника по миру пойдет, – брызгал слюной Вася.

– Тише, тише, так это вы мне весь день... помогали? А как же моя победа, разве я не сама выиграла? Разве я не самая сильная?

– Конечно, сама... с его помощью! Это хуже допинга, – видя, как онемел и застыл Прохор, Вася взял инициативу в свои руки, – эти их таланты ангельские – блеф сплошной! Вот ты меня вчера прогнала, а я ведь тебе много чего могу рассказать, помочь, пригодиться.

– Значит, я не сама выиграла, значит, Света должна была выиграть, значит, я обманщица, – ничего не слыша, Ника качала головой.

– Ты же у нас талант! Ты что, все забыла? – Прохор кипятился. – А монета, а кто выбирал, я что ли, – в голосе ангела сквозила обида. – Ты же сама захотела стать великой спортсменкой. Теперь у тебя все впереди – мировые рекорды, Олимпийские игры. Не нравятся лыжи – нет проблем. Выбирай любой вид спорта – легкую атлетику, теннис, женский футбол, в конце концов, у тебя все теперь получится.

– А тяжелую атлетику?

– Пожалуйста!

– И везде добьюсь успеха?

– Абсолютно гарантировано!

– Но это нечестно! Чтобы добиться успеха, другие пробегают тысячи километров, поднимают сотни тонн, не досыпают утром, не гуляют вечером. А побеждать буду я?

– Ты! У тебя талант от Бога!

– Купленный!

– Подаренный.

– Я так не согласна!

– У тебя есть право выбора, давай выберем другой талант, не ущемляющий окружающих, будешь просто радовать человечество на долгие века вперед, как Пушкин, например, – нашедший компромисс Прохор погладил свои отрастающие бакенбарды.

– Подумай, зачем тебе это надо? Разреши презентовать тебе нашу программу, – Вася уже давно ерзал на левом плече, пытаясь

вставить хоть слово. – Прохор, перестань дискриминировать мои, равные с тобой, права.

– Ника, отправь его подальше, нам пора в Алву, он нам мешает! – Прохор с гримасой отвернулся в сторону.

Ника взглянула на Васю с содроганием: непричесанный, голенький, худой, ушастый, он вызывал не самые приятные чувства.

– Все будет по-другому, я причешусь, я умоюсь, я оденусь, не делай этого, мне от этого очень больно, я от этого страдаю, я... – Вася перешел на умоляющее повизгивание, но Ника уже вздохнула:

– Тьфу, тьфу, тьфу, – Ника сплюнула через левое плечо с непонятной жалостью.

– ...ой, дышать тяжело ... – простонал Вася и сгинул в очередной раз.

– Молодец, Ника, – удовлетворенно вздохнул Прохор. – А теперь ложись и закрой глаза, улетаем в Алву.

На этот раз путь в Алву был насыщен новыми ощущениями.

Ника получала истинное удовольствие от скорости, от маневренности своих движений. Окружающий ее космос был огромным океаном, а она золотой рыбкой. Она уже прекрасно ориентировалась и знала, что свет вдалеке – это город Бога Эстобар, приближающаяся синяя точка – вход в город ангелов – Алву, а где-то слева, в невыносимо черной темноте, находится город бесов Тартар. По проторенной дороге спешили на Божий суд души умерших, падающими звездами летели к вновь рожденным людям закрепленные за ними ангелы, чтобы поддержать их в первые минуты бытия, сверкающими кометами путешествовали архангелы и бесы. Доступный душам мир был многолик и разнообразен. В пустынном на первый взгляд космосе было огромное количество синих, красных, желтых, в общем, разноцветных кнопок. Что скрывалось за ними? Новые города и миры, незнакомые ангелы и души, непознанные боги и дьяволы.

– Нам, ангелам, запрещено заходить в другие двери, кроме Алвы. Они закрыты для нас. Они доступны другим уровням развития, – на ходу отвечал на ее вопросы Прохор.

– А для меня? – поинтересовалась Ника.

– А для тебя тем более.

– А если я попробую нажать на... ну, допустим, вот на эту красненькую кнопочку? – задирала Прохора Ника.

– А ты пробовала двумя пальцами в розетку влезть? – заволновался Прохор.

– А у меня туда пальцы не входят, – сострила Ника.

– Ну вот, если войдут, и тебя током шибанет, то знай, что это в сто раз безопаснее, чем нажать на любую из этих кнопочек. Там может быть такое, что тебе в самых страшных снах не снилось. Слава Богу, что души без ангелов не летают, а то бы ты без меня такое натворила!

– Слушай, Прохор, а как ты находишь вход в Алву? – спросила Ника.

– Чудачка! А ты как свою квартиру находишь, по компасу что ли? Живу я там, и свою Алву с закрытыми глазами найду.

На рынке даров было оживленно. Ника уже уверенно ориентировалась в узких проходах рынка, в зазывных выкриках, в знакомых лицах продавцов.

– Монету не забыла? – волновался Прохор. – Не торопись что-нибудь выбирать, нам надо сдать неподходящий талант, помнишь, где мы его брали?

– Да помню, помню, – хорохорилась Ника. – Вот здесь за углом.

Процедура возвращения таланта напомнила Нике посещение стоматолога.

– Возвращаешь, значит? Ну как знаешь, твое право. Рыльце открой, – деловито скомандовал продавец.

– Что-что открыть, – не поняла Ника.

– Рот открой, поросенок.

Ника испуганно открыла рот, вспомнив, что она и есть поросенок. Продавец заглянул ей в рот и стал просовывать туда длинные изогнутые щипцы. Ника чуть не задохнулась. Когда тот извлек щипцы обратно, в них была зажата вчерашняя витая свеча – возвращенный ею великий спортивный талант.

– Это что? Это кому? Это почем? – чья-то душа в виде зеленой жабы с короной на голове живо интересовалось возвращенным талантом. – Ах, спортивный... с рекордами мира в любом виде спорта... ну ничего сегодня приличного нет. Придется брать! Я согласна.

На Никиных глазах принадлежавший ей талант скрылся внутри тяжело дышащей жабы. К своему удивлению, она не испытала никакого сожаления и побежала по рядам в поисках нового таланта.

Покупателей сегодня было заметно больше. Многих даров и талантов, которые Ника видела вчера, сегодня уже не было и в помине. Если вчера она ходила по рынку наугад, то сегодня выбирала с твердыми убеждениями.

«Нет! Я не хочу быть музыкантом... Искусство повести за собой? Когда-то принадлежавшее Жанне д'Арк? Это похоже на покупку уважения, по-простому. Нет, не буду!.. Писатель? Нет!.. Поэт? Нет!.. Айвазовским? Хочу ли я быть Айвазовским? Я хочу быть только Вероникой Сидоровой, и никем больше!».

– Самый верный, самый надежный друг! – Нику заинтересовало то, что продавал безусый юноша. Ей как-то по жизни не везло с друзьями. С той же самой Веркой в первом классе были неразлейвода, а теперь видеть друг друга не в силах. С Таней в лагере вместе отдыхали, такие штучки на танцах выделывали, хочется с ней увидеться, встретиться, а она даже не звонит, хотя плакали, целовались, клялись, телефонами обменивались... Сколько в Никиной жизни было таких друзей на день, на неделю, на месяц, а она мечтала о дружбе на всю жизнь, но пока и другом-то назвать кого-то остерегалась, так, вокруг только знакомые да недруги. «А может, я сама такая, может, сама ненадежный друг?» – стала уже сомневаться Ника.

– А в чем состоит этот талант? Что друзей будет много? – заинтересовалась Ника.

– Нет, друзей много не бывает. Это ищите в другом месте. А у меня талант стать хорошим другом, – покачал головой мальчик.

– А как ими становятся? – Нике становилось все интереснее.

– Понимаешь, все в дружбе хотят, чтобы им друзья что-то отдали: торт, подарок, свое время и внимание, а по-настоящему все должно быть наоборот: ты, как друг, должен поделиться последним, рассказать то, что знаешь сам, без просьб и слов понять, выслушать и поддержать в трудную минуту. И главное – бескорыстно, не ожидая обратного внимания или подарков. Только так можно стать хорошим другом и найти друга. Понимают это многие, но поступают по-другому. В первую очередь хотят найти друга, а стремиться надо СТАТЬ другом, а это, дорогой поросеночек, уже талант. Ну что, берешь? – закончил продавец.

– Нет! Но другом стать постараюсь, – Нике показалось, что она уже получила очень ценный совет, так зачем же еще и талант.

Наконец, она нашла то, что искала.

– ...Да! да! да! Любое осмысленное желание любого существа будет понято Вами. Ваш собеседник будет говорить, а Вы будете понимать, что он в этот момент чувствует, и о чем реально думает. Это может быть вообще неразумное существо, а Вы будете знать, что оно намеревается совершить; никто и никогда не сможет застать Вас врасплох, ничто не будет для Вас неожиданным, – речь продавца струилась, как хрустальный ручей.

– Если я буду всех понимать, то в голове у меня будет натуральная каша, миллион чужих мыслей, и ни капельки места хотя бы для одной своей, – высказала сомнение Ника.

– Ха-ха-ха, да нет проблем! – почувствовал потенциального покупателя продавец. – Дело заключается в том, что Вы, уважаемая, хм, хрюшечка, поймете только того, на кого обращен Ваш взор. Ваша прелестная головка будет полна Вашими личными, исключительно умными мыслями, и всего лишь одной мыслью того, на кого Вы в этот момент глядите. Например, Вы не выучили урока. Ничего страшного! Ваш сосед по парте молча, про себя, читает необходимую тему в учебнике, а Вы, глядя на него, дублируете ее вслух – пятерка обеспечена. В любой игре Вы будете победительницей. Ведущий «Поля чудес» успеет только спросить: «Животное из четырех букв. Назовите Вашу букву», а Вы в ответ: «А можно назвать слово без букв? Это ТИГР!». У Якубовича пропадет дар речи, он вручит Вам главный приз, и невдомек ему будет, что это он сам подсказал Вам верный ответ. А всякие недобрые мысли про Вас? Первый удар дубиной, первая подножка, первое слово всегда будет за Вами. Скажу Вам по секрету про дополнительное свойство таланта: сосредоточившись, Вы сможете понимать неодушевленные предметы!

– А они тоже думают, переживают, страдают?

– Еще как! Как рыдают цветы, когда их рвут, как взвизгивает от восторга футбольный мяч во время точного удара, как благодарит тебя вымытая посуда. Все будет Вам известно, все будет подвластно.

– Пожалуй, мне это подходит, – поборола сомнения Ника.

Свеча таланта скрылась внутри, чтобы своим светом нести радость людям. «Дзинь» – увесистая монета снова оказалась в Никиных руках, но уже с новой надписью: «ОДИН ТАЛАНТ».

– Поздравляю! – Прохор сиял. – А я уж думал, опоздаю на игру. Давай быстрее на стадион, я сегодня опорный защитник. Будешь за меня болеть?

– Буду кричать, визжать и топать ногами. Не подведи!

В этот раз проходил розыгрыш континентального Кубка по тинг-сволу, и на стадионе все было круче, чем вчера. Гораздо больше болельщиков, одетых и разукрашенных в цвета своих команд, больше шума и света – лазерные лучи сплетались в немыслимые клубки над стадионом, в фиолетовом небе зависли дирижабли с лозунгами: «АВСТРАЛИЯ, ВПЕРЕД, ТЕБЯ ПОБЕДА ЖДЕТ!»; «НЕТ КОМАНДЫ КРУЧЕ, ЕВРОПА БУДЕТ ЛУЧШЕЙ!».

– Я убегаю, меня ждут. После игры встречаемся на этом же месте. Не заблудишься? – отсутствующий взгляд Прохора выдавал волнение. Мыслями он был уже на поле.

– Ни пуха, ни пера! За меня не волнуйся, стань лучшим!

Прохор скрылся за дверями служебного входа, а Ника протиснулась на трибуну и занялась поиском удобного места. Там, где сидели болельщики Австралии, все было зеленым: одежда, флаги, даже лица были разукрашены. Ника, конечно же, выбрала синий сектор – ведь именно там сидели болельщики Европы. Свободных мест осталось мало, но Ника заметила два пустых кресла и поспешила занять одно из них. Сосед справа был не очень приятным: чья-то душа в виде громоздкой, жующей однорогой коровы.

– Чипсов не желаете? – предложила Корова.

– Спасибо, я уже поела, – поперхнулась Ника. «Да что я дуюсь на нее, – успокоила она себя, – сама-то свинья-свиньей».

Место слева занял солидный седоватый ангел.

– Александр, – представился он.

– Ни... Вероника. А Вы один, без души?

– Моя душа в возрасте, ее на эти игры не вытянешь. Гм, гм, – кашлянул он в сжатый кулачок, – вы, я вижу, тоже одна?

– Нет! Вон мой Прохор, – ангелы выбегали на поле, – в синей футболке, номер пять. Он в сборной Европы! – гордо заключила Ника.

– Знаю его. Знаком. Достойный ангел. Гм, гм, гм, – опять поперхнулся Александр.

Прозвучал свисток, под оглушительный рев трибун игра началась. Конечно, самое интересное происходило на поле, но Ника первые минуты глаз не могла оторвать от трибун. Болельщики Европы и Австралии соревновались друг с другом. Три европейских бегемота так били по своим животам, что заглушали десяток австралийских барабанов. Зато все синие огромные шары по очереди улетали в неизвестном направлении или лопались. Ника заметила, как пятеро австралийских ангелов сшибали их ловкими бросками изогнутой палки, которая всегда возвращалась назад. «Бумеранг», – догадалась Ника. А как болельщики пели, свистели и танцевали, как бурно реагировали на все, что происходило на поле! Когда на поле случалось что-то значительное для одной из команд, ее болельщики хватались за головы, охали и глотали пилюли, а их соперники обнимались и целовались. Ника испуганно покосилась на Корову, но та равнодушно дожевывала очередной пакет чипсов. Внимательно осмотрев трибуны, Ника перевела взгляд на поле. Синим приходилось нелегко, одна амфора уже была завоевана зелеными, и они продолжали атаковать команду Европы. Прохор метался в защите, но не мог один успеть за быстрыми нападающими Австралии. «Тинг», останавливал он одного, «Тинг», – другого. «Свол, свол», – тут же освобождались нападающие и мчались за очередной амфорой синих.

– Про-хор, Про-хор, мо-ло-дец, мо-ло-дец, да-вай, да-вай! – Ника сама удивилась, как ее крик прорвался сквозь оглушительный рев. Прохор нашел ее глазами, но не помахал приветственно, а обреченно махнул рукой. Сквозь редуты защиты прорвался нападающий Австралии и захватил очередную амфору Европы.

Австралийская трибуна неистовствовала, их команда выигрывала.

– Мазила! – неслось в адрес Прохора обидное прозвище от своих же, с подавленной трибуны Европы. Ника плакала, так ей было жаль Прохора.

Матч закончился. Европа проиграла. Прохор устало побрел в раздевалку. Ника кричала, махала ему рукой, но он не обращал на нее никакого внимания. «Ладно, подожду его, где договорились», – решила Ника.

Почти все разошлись, а Прохора все не было. К Нике подошел Александр:

– Гм, гм... Не переживай. Я из раздевалки. Прохор передал тебе письмо.

Ника развернула листок: «Ника, мне очень плохо. Я попросил Александра проводить тебя. Вернусь завтра. Твой Прохор».

– Гм, гм. Ну что, полетели. Давай руку!

– Я могу сама.

– Ни за что. Я за тебя отвечаю.

Ника протянула ему руку. Настроение было паршивое, девочка даже не заметила, как они вылетели из города ангелов. Мимо мелькали звезды, тянуло космическим холодом. Неожиданно Ника испугалась: влажные, пухлые руки Александра превратились в шершавые жесткие тиски. Ника недоуменно подняла глаза: в черном смокинге с галстуком-бабочкой на шее на нее смотрел бесенок Василий.

– Добро пожаловать в Преисподнюю, дорогая!

Ника попыталась вырваться – бесполезно!

Из окна, через которое она только что сбежала, на Нику смотрела страшная морда свирепого зверя.

Глава шестая

– Я ничего не понимаю! А где Александр? – Ника была парализована происходящим, и не могла понять, что происходит.

– А никакого Александра нет! Это мой маленький маскарад, моя маленькая хитрость, и я приношу Вам мои глубочайшие извинения за свою дерзость, – Вася был по-джентельменски галантен.

– А где Прохор? Что ты сделал с Прохором? Он жив? – пытаясь вырвать правую руку, Ника ожесточенно колотила левой по Васиному плечу. Прохор был ей дорог.

– С ним все хорошо. Он пока еще ждет тебя там, где вы договорились, видимо, надеясь, что ты отлучилась на минутку. Извини, шучу, – у Василия явно было великолепное приподнятое настроение.

– И что тебе надо? И куда мы направляемся? Немедленно отпусти меня! – Ника стала приходить в себя, перестала сопротивляться, поняв, что это бесполезно, и решила выудить побольше информации.

– Уважаемая Вероника! Во-первых, заверяю тебя, что ты не пленница, – Василий разжал свою руку, – во-вторых, уверяю тебя, что конечный пункт твоего сегодняшнего путешествия – Земля, и мы направляемся именно туда. Но по пути мне нужно заскочить домой, в Преисподнюю, и ты, я надеюсь, составишь мне компанию. Прохор сказал тебе правду: ты не можешь путешествовать по космосу одна, но он сказал не всю правду: ты можешь путешествовать

не только с ним, но и со мной! Сила ангелов в том, что они всегда говорят только правду, но... не всю правду. Я предлагаю тебе узнать всю правду, до самого донышка! – Ника была поражена и заворожена, она и представить не могла Василия таким красноречивым и рассудительным.

– И что будет, когда я узнаю всю правду?

– Тебе многое откроется, ты поймешь, что Божьи таланты – сущая мелочь; зная все, ты решишь, как жить дальше. Сама решишь, подчеркиваю – сама! – ранее противный, теперь бес не вызывал у Ники ни страха, ни омерзения. Он был искренен и открыт, величав и полон достоинства. Ника почувствовала, что теперь он не Васек, а именно Василий.

– А если я, Василий, сплюну на тебя три раза? – Ника искала для себя спасительную нить.

– Ты вправе, – в глазах Василия блеснул недобрый огонек, – но я надеюсь, что это шутка.

– Пожалуй, я прогуляюсь с тобой, – Ника чувствовала, что не в силах изменить происходящее, и решила усыпить бдительность хитрого бесенка. – В какую нам сторону?

– Благодарю тебя, моя госпожа! Своим решением ты спасла мне жизнь, – прерывистое дыхание выдавало Васину радость, – держись за меня. Времени мало, мы вмиг домчимся.

Как только Ника перестала сопротивляться, скорость полета заметно увеличилась. Одержимый целью доставить Нику в царство тьмы, Вася ураганом несся сквозь пространство. Стремительно приближалась Земля. «Где же она находится, Преисподняя? Пока что летим к Земле. Может, Вася шутит?» – Ника закрыла глаза. Сердце бешено билось – от волнения, от близкой встречи с неведомым.

– Не кочегары мы, не плотники,

Но сожалений горьких нет как нет... – радостно напевал Вася. – Ты увидишь, ты все сама увидишь, как мы честно живем, как мы помогаем друг другу. – Вася все время что-то бормотал себе под нос. – Ну вот мы и дома. Т-р-р-р, залетные!

Ника испуганно открыла глаза.

Они с Василием стояли у ее родного подъезда.

«Пошутил, – Ника облегченно вздохнула, – сейчас домой поднимемся». Но вместо подъезда Вася потянул ее в подвал. Дощатая дверь со скрипом захлопнулась за ними.

Как Ника боялась подвала! Она часто ходила сюда с папой – за картошкой. Сколько страшного мерещилось ей в полутьме. Вася остановился перед чуланом тети Нюры, Никиной соседки. Ника бывала у нее в чулане: аккуратные полочки, банки с соленьями, морковь, зарытая в ящике с речным песком.

– Ну вот мы и дома, – Василий щелкнул по висячему замку. «Дзинь» – дверь со скрипом отворилась: ни полок, ни солений. Ника с Васей шагнули в пустоту.

– Приехали! Да не дрожи ты, взгляни на мир другими глазами! – Вася пощекотал Нике под пятачком.

Они стояли перед массивными, с тяжелой кованной резьбой в форме змеи, воротами. Вася опустился на одно колено перед раскрытой пастью бронзовой кобры и, прислонившись к ней губами, дунул. «Прямо ГИБДД какое-то», – подумала Ника. С тяжелым скрипом давно не смазанная центральная створка ворот поползла наверх, открывая за собой мрачное пространство. Было не темно; воздух, казалось, был пропитан густым туманом, который, однако, не мешал все прекрасно видеть: центром пространства казался огромный пирамидальный замок. Террасами стремился он наверх, где голубого неба не было и в помине, и с каждым уровнем становился все изящнее и светлее. Вокруг замка был разбит парк – резные скамейки, вьющиеся лианы, торговые палатки. Взад-вперед, через многочисленные входы замка сновали бесы. Эта картина напоминала Нике лесной муравейник. Она обернулась: не было видно ни ворот, ни стены – бесконечная даль сумраком очертаний терялась в тумане. «Где же выход? Одной отсюда не ускользнуть», – с горечью подумала девочка.

– Добро пожаловать в Тартар! – Василий, деликатно поддерживая Нику за поросячье ушко, вел ее к одному из входов в здание. – Наш город – старейший во Вселенной. Именно здесь, в Центральном Замке, хранится наша реликвия – подлинник Меморандума Непротиводействия, подписанный на заре бытия Дьяволом и Богом. Кто управляет городом ангелов? Бог? А кто его видел? Он замкнулся в своем городе, он жалок своей недоступностью, смешон своей манией величия. Наш Дьявол всегда с нами, вон его окно, – Вася показал на высоченный шпиль, венчающий замок, – я всегда могу с ним посоветоваться, он и с тобой встретится. Тебя принял Бог? Ты шла к Богу – ты пришла к Нему? Молчишь?!

– Он дал мне талант, – робко возразила Ника.

– Хе-хе-хе, великая щедрость! Сравни это с тем, что тебе предложит Дьявол, – загорячился Василий.

«Бесы, дьяволы... кошмарики какие-то. Того гляди, сейчас заставят душу продавать!» – с ужасом размышляла Ника. Вокруг сновали бесята: седые и рыжие, коротыши и верзилы, лысые и рогатые. Некоторые деловито спешили, кто-то беседовал в кругу знакомых, парочки жались друг к другу на скамейках. Кипарисы, подстриженные кустарники, ухоженные газоны напомнили Нике недавнюю поездку в Абхазию. Не хватало только неба, солнца и моря: сумрак, безветрие и серость царили вокруг.

«Почему вокруг одни бесы? Где другие души? Почему только я здесь в образе поросенка?» – искала ответы Ника.

– Здравствуй, Василий, – их остановил однорогий бес с подпалиной. – Спешишь на аудиенцию с подопечной?

– Представь себе! А вы говорили, что я на это не способен, – подпрыгивал от возбуждения Вася, – а у меня получилось, а я справился!

– Не говори «гоп», дождись сианнуляции, – оглядывая Нику, с сомнением возразил однорогий.

«Какая аудиенция, что за сианнуляция», – недоумевала Ника.

С грохотом закрывшаяся за спиной дверь замка открыла перед Никой внутренний зал первого этажа здания. Помещение было огромно, как зал ожидания Казанского вокзала, и даже больше. Вася подвел Нику к окошку с вывеской: «Запись на прием». Толстая рожа в окне напомнила Нике регистраторшу из детской поликлиники.

– Ваша очередь номер сорок семь, – протянула она Василию блестящую табличку, – можете подняться в Зал ожидания.

– Нет-нет, мы еще успеем посетить Хранилище Декларации, – ответил ей Вася.

«Лучше бы на прием к стоматологу, я согласна, я не боюсь. Пусть все это окажется сном!» – Ника топнула ногой и открыла набухшие слезами глаза – ничего не пропало. Или она не проснулась, или это был не сон.

Лифт в центре зала, почти такой же, как в Мега-Молле, помчал их наверх. Он остановился, когда на двери зажглась надпись:

«Хранилище Декларации Непротиводействия». Строгие охранники заставили их пройти сквозь рамку, как в аэропорту.

– Не нужен ли вам экскурсовод? – предложила свою помощь симпатичная, с косичками и в очках сотрудница Хранилища.

– Что Вы, я сам все объясню! С детства знаю всю историю Декларации, – успокоил ее Василий.

В центре круглого зала на золотой подставке под стеклянным куполом лежал пожелтевший от времени лист пергамента. На нем бурыми, словно запекшаяся кровь, чернилами было написано:

«В текущий 1004736423715663 день 3 витка бытия 10 вида мы, Бог и Дьявол, договорились о следующем:

– признать наше равное право на владение вновь рожденными душами;

– признать любые действия, направленные на овладение душами, правомочными;

– признать невозможным вмешательство в используемые другой стороной формы и методы овладения душами;

– закрепить право присутствия посланцев Бога на правом плече, Дьявола – на левом плече каждой одушевленной твари;

– такому быть до скончания 10 витка бытия...».

В конце листа стояли две подписи.

Круглая стена зала была испещрена рисунками и надписями.

– ...Мы существуем в цикличном мире, – голос Василия выплыл из тишины, – все события повторяются в течение одного цикла. Его длительность – пять миллиардов лет. Всемирный океан – молекулы – первые существа – суша – растения – фотосинтез – атмосфера – динозавры – оледенение – разумные существа – потоп – полет в Космос – взрыв – Всемирный океан и... все сначала. Меняются детали. Какой вид станет разумным... кто первым полетит в космос... кто первым нажмет на ядерную кнопку... в этом возможны варианты, но в целом цикл неизменен. Бог и Дьявол его смотрители.

– А кто их назначил смотрителями? Кто вообще придумал этот цикл?

– Для нас это тайна.

Ника медленно брела вдоль нескончаемой стены и вчитывалась в тексты, описывающие знакомые и неведомые ей до сих пор события. Оказывается, в разных циклах в роли разумных цивилизаций были

разные виды животных: обезьяны, динозавры, муравьи, дельфины. У них были свои Адамы, Евы, Иисусы и Нои. Со всеми ними была разыграна одна и та же сюжетная пьеса с названием «Господствующая Цивилизация». Но ни одна из них не смогла избежать войн и Всемирной Катастрофы. И смотрители с завидным упорством разыгрывали знакомый сюжет с новыми исполнителями.

С жадностью Ника вчитывалась в разгадки всемирных тайн. Огромный метеорит, на месте его падения сейчас Мексиканский залив, привел к вымиранию тысяч видов животных, среди которых были и динозавры. Остров Исландия – остатки суши некогда Великой Атлантиды. Тунгусский метеорит – посланец далекой цивилизации. Ника пробегала глазами по стене, торопясь узнать как можно больше.

– Ника, у тебя будет возможность побывать здесь еще, при определенных обстоятельствах, конечно, а сейчас мы торопимся. Недопустимо опаздывать на аудиенцию к Дьяволу.

«Согласна туда вообще не ходить», – с ужасом подумала Ника.

Комната ожиданий была выдержана в стиле кафе «Пицца-Ник»: просторный светлый зал, много зелени, современный дизайн, мягкая мебель. Над входом в апартаменты с солидной вывеской «Дьявол» висело табло, указывающее номер, проходящий аудиенцию. «Сорок пять, – прочитала Ника, – а наш, кажется, сорок семь». В приемной были не только бесы, но и души, каждая в своей оболочке – зайчик, пузатый бегемот и пятнистая рысь, острые ушки которой кого-то напоминали Нике.

– Верка, это ты, что ли? – ужаснулась Ника.

– Сидорова! – острые глазки внимательно рассматривали Нику. – А ведь я чувствовала, что ты по натуре свинья.

– Вовсе не свинья, а просто поросенок. А что ты здесь делаешь?

– То же, что и ты. У нас тут прямо коллективный прием в скауты. – Верка-рысь шершавым языком вылизывала свои лапки. – Как ты из меня при всех дурочку сделала! Думаешь, не догадалась, что это ты? Ничего, за мной не заржавеет – отомщу.

– Ой, Вера-Верочка, как хорошо, что мы вдвоем, – Ника перешла на шепот, – тебя тоже насильно притащили? Давай сбежим, вдвоем легче!

– Ха-ха! Тоже мне, насильно. Да я об этом второй год мечтаю, все попасть не могла. А ты везучая, тебя по блату протаскивают.

Из апартаментов вышли два беса. «46» зажглось на табло новое число.

– Наша очередь, – заверещала Вера, и они с усатым бесом скрылись за массивной дверью.

«Ничего не понимаю, – размышляла Ника, – некоторые попасть не могут годами, а меня силой тащат! Почему? Зачем? По какому такому блату?».

– Ва-ась, – хрюкнула она, – шли бы мы отсюда, а, Вась?

– Э..а..гм, – у Васи в горле что-то хрипнуло от возмущения, он пытался подобрать нужные слова, – выбрось это из головы.

– Ну почему? Давай освободим место тем, кто ждет очереди. Я же занимаю чье-то место.

– Они не такие, а ты такая, – пряча глаза, Вася отвернулся.

– Какая такая?

– Никакая, отстань!

– Не отстану, если не ответишь, я сейчас такой поросячий визг подниму!

– Тише, тише, ладно. Ты Богом отмеченная.

– Богом?

– У них спор принципиальный.

«Отмеченная Богом – это хорошо звучит, но лучше бы отсюда смыться», – подумала Ника и стала внимательно осматривать Зал ожиданий. «Смыться» можно было в дверь, через которую зашли, или через вентиляционное отверстие почти под потолком. В это время из двери с табличкой «Дьявол» выскользнули два беса: все тот же усатый и стройный шустрый бесенок с черными глазками.

Неужели это Верка? Точно, она самая!

– Продажная душа, предательница бессовестная, – охнула с презренем Ника.

– Да замолкни ты. Слава Дьяволу, свершилось! – ликовала Верка.

– Ника, скорее, наша очередь, – торопился, вспотев от волнения, Василий.

Стиснув зубы, Ника, как на эшафот, шагнула в раскрытую пасть дверного проема.

В просторном кабинете, обставленном мебелью в стиле «ретро», за дубовым столом в массивном кресле сидел солидный седовласый мужчина в пенсне.

– О-о, кого я вижу! Ника Сидорова, – мужчина встал из-за стола и направился к Нике, – разрешите представиться ... А впрочем, просто Дьявол, – он протянул ей широкую ладонь.

Ошалевшая Ника попыталась поздороваться, но сделать это свиными мотолыжками было невозможно.

– Да, непорядок, но это поправимо. – Дьявол щелкнул пальцами, и Ника превратилась в себя саму – рыжеволосую девчонку с зелеными глазищами.

– А я Вас не боюсь, – дрожа от напряжения, выкрикнула Ника.

– Ха-ха-ха, – добродушно засмеялся Дьявол, – но меня бояться нечего, я тебя, может быть, сам боюсь. Проходи Ника, присаживайся, мы просто побеседуем.

– Ничего себе, просто побеседуем. После того, как меня сюда силой притащили?

– Как это силой?! Ай-яй-яй, Василий, что за баловство? – Дьявол щелкнул пальцами, Васька взвыл от боли и, пятясь спиной, проковылял в дальний угол. – Чтоб тебе неповадно было. Предупреждал же: или по доброй воле, или по искусному обману, – глаза Дьявола недобро блеснули.

– Я по обману, по обману, – покорно промямлил из угла Вася.

– Точно, по обману, – возмущенно подтвердила Ника.

– А ты говорила, силой. Смотри, в другой раз я тебя к демонам отправлю! – погрозил он пальцем дрожавшему от страха Василию. – Ну, присаживайся, Ника, не в ногах правда.

Присев на кончик кожаного кресла, Ника осторожно огляделась. Пол из дубового паркета, вдоль стен огромные книжные шкафы до потолка, люстра из хрусталя – хозяину кабинета нравилось все монументальное.

– Как вы живете на Земле? Чтобы купить скромную квартирку, надо иметь или богатеньких предков, или пойти в многолетнюю кредитную кабалу, а не то будешь ютиться всю свою жизнь с родителями, желая им смерти, или в общаге с клопами, плодя таких же нищих отпрысков, – сидя в кресле, Дьявол крутил ручку с золо-

тым пером и словно сам с собой рассуждал, – всю жизнь ездить в троллейбусах, терпеть унижения со стороны кондуктора, быть под прицелом карманников. Горбатиться за нищенскую зарплату, а потом уводить дочку от прилавка с игрушками и стыдливо прятать глаза на дочкино: «Когда появятся деньги, мы купим эту куколку, мамочка?». Люди вокруг улыбаются тебе, но за каждой улыбкой – зависть, ехидство, а то и злоба, и ненависть. Но ведь есть где-то зáмки, и кто-то в них живет. Двадцатиметровые лимузины, и кто-то в них ездит. Черная икра, и кто-то ее ест. Почему не ты так живешь? Вспомни свою жизнь, как мало в ней счастливых дней. Твой самый счастливый день – сегодня! Твой единственный шанс изменить свою жизнь – сейчас!

– Как однобоко Вы судите о нашей жизни! Кроме всего, что Вы перечислили, есть порядочность и трудолюбие, честность и справедливость, дружба и любовь! Как Вы смеете рассуждать о моем счастье? По-Вашему, оно в деньгах и вкусной еде, а по-моему, в маминой улыбке, папиных усах и даже в дождике за окном. Я счастлива каждый день! А Вы заперлись в своем кабинете и совершенно не представляете, как мы живем, чему радуемся, о чем мечтаем!

– Ха-ха-ха! Я знаю все! Я всегда на Земле! Провалиться мне на этом месте, но я всегда рядом! Я всегда в одном из вас – землян! Ты еще мала, ты под защитой родителей, но наступит время, когда ты поймешь, что я прав, но встреча со мной уже не случится, потому что она происходит сегодня, и не может повториться, сделка предлагается только один раз, и она тебе предложена сегодня.

– Что за сделка? – под воздействием напористых речей Дьявола Ника впала в состояние легкого гипноза.

– Да провалиться мне на этом месте! – неосознанно проявив свое волнение, Дьявол потеребил мочку правого уха. – Я предлагаю тебе ВСЕ!

– Все это ничто.

– ВСЕ это ВСЕ. Материальное благополучие, ослепительная внешность, вечное здоровье, возможность бывать и жить в прекраснейших точках Земли, любовь и преданность мужчин...мне продолжать?

– А таланты?

– Любые, какие пожелаешь! Соблазнительно? – Дьявол перестал казаться добродушным. Он потирал руки, глаза его горели.

– А что взамен? Что Вы попросите у меня? Тоже все?

– Сущую мелочь! Взамен ты пройдешь сианнуляцию.

– А что это такое? Продажа души?

– Полная чушь! Твоя душа останется с тобой, она просто преобразится.

– Из поросенка станет бесом?

– Предложенное стоит того!

– А если я откажусь?

– Это будет грустно для нас обоих. Мне будет жаль тебя. Не торопись, я даю тебе время подумать. Сказанное однажды становится вечным, даже я буду не в силах его изменить.

«Ситуация стала безвыходной, – подумала Ника, – наверное, он отдаст меня демонам, – она видела этих злых существ по телевизору. – А что это за форточка позади дьяволова стола? – Ника обратила внимание на подобие иллюминатора, за ним сверкал звездами Космос. – Наверняка Дьявол выходит в Космос не через дверь. У него должен быть свой выход. Чтобы ни с кем не встречаться, чтобы летать на Землю, он же сказал, что бывает там ежедневно. А если попытаться? Надо только подойти поближе».

– А это не больно – сианнуляция?

– Конечно нет, провалиться мне на этом месте! Всего одна подпись, одна секунда, и вся жизнь перед тобой на блюдечке с золотой каемочкой.

– Где подписаться? – Ника решительно двинулась к заветной форточке.

– Сиди, я сам покажу, – пытался остановить ее Дьявол, но было поздно: Ника приняла решение идти до конца – будь что будет. Она схватила со стола табакерку и бросила в Дьявола. Тот закрыл глаза руками и начал чихать. Ника дернула за ручку – в лицо пахнуло холодом, и через мгновение она уже летела в неизвестность. Миллионы огоньков мерцали вокруг – это был совершенно незнакомый Космос, Земли не было и в помине. Ника обернулась: из окна, через которое она только что сбежала, на нее смотрела страшная морда свирепого зверя. Это было истинное лицо Дьявола. С ревом «Догнать!» он запустил вдогонку сбежавшей бесенка Ваську.

Ника петляла, ускорялась, но оторваться от Васи не могла. Заметив караван душ, она пристроилась в середине, спрятавшись в тени желтого слона. Вася не посмел подойти к ней при других,

кружил рядом. Отдышавшись, Ника рванула, как ей показалось, в сторону Земли. Она летела достаточно долго, пока наконец не поняла, что заблудилась. Все вокруг было чужим и незнакомым. Неужели она навечно останется средь этих звезд? Слезы сами по себе потекли из глаз. Ей стало по-настоящему страшно. Внезапно вдали появилась новая серебристая точка. Она стремительно приближалась. «Васька? Дьявол? Надо спрятаться! Но где?». И вдруг она узнала: Прохор! Дрожащая, рыдающая, замерзающая девочка бросилась ему навстречу:

– Я... ты...он...

– Молчи. Все хорошо. Я все знаю, я все понял. Успокойся и просто закрой глаза.

Зазвучал Сен-Санс. Ника еще раз всхлипнула и закрыла глаза.

Человек сам своей жизнью
выбирает оболочку своей души.

Глава седьмая

Солнце слепило даже сквозь закрытые веки. Ника перевернулась и уткнулась носом в подушку. Ей всю ночь снилось что-то страшное, но что именно, вспомнить не получалось. С закрытыми глазами она представила предстоящий трудный день: опять учеба, опять уроки, опять... А почему она не слышала ненавистный будильник? И почему папина возня в ванной не заглушает птичий щебет? Что это за тишина и почему, в конце концов, не пахнет кашей, приготовленной на завтрак? Ура-а-а-а! Сегодня же выходной – воскресенье! Что за прелесть! Ника беззаботно укуталась в теплое одеяло – в выходной не грех поспать и подольше. «Мяу, мяу, мяу...». Какой-то бешеный кот неистово заорал за окном, сделав попытку задремать практически невозможной. «Что же там за страсти безумные», – вспомнив выражение «орать как мартовский кот», Ника спрыгнула с кровати и подняла жалюзи. Внизу было совершенно спокойно, а неистовые кошачьи крики доносились откуда-то справа, от окна соседки бабы Нюры. Разглядеть Нике ничего не удалось, и она решила выглянуть в форточку. О, ужас! Бабин Нюрин котенок Чернышка, уцепившись передними лапами за открытую створку форточки, безуспешно болтая задними лапами, висел над пропастью в девять этажей. «Мяу! (Ну кто-нибудь, помогите! Еще минута, и я сорвусь вниз! Не повезло мне с глухой хозяйкой!) Мяу!».

– Держись, Чернышка, я сейчас, я быстро, – Ника слетела с окна и, на ходу натянув тапочки, бросилась в коридор. Баба Нюра

действительно была глуховатой. Для нее сын, который давно уже жил отдельно, от входного звонка провел сигнальные лампочки в каждую комнату. Ника неистово жала на кнопку звонка, барабанить в дверь было бесполезно – не услышит.

– Иду-у-у, не жмите, как сумасшедшие, я все вижу.

Визг Чернышки был слышен даже из коридора. Едва дверь приоткрылась, Ника, оттолкнув бабу Нюру, кинулась на кухню. Чернышка уже практически летел вниз, когда его в последний миг подхватили быстрые Никины руки. Прижавшись к Никиной груди, Чернышка вздрагивал и дрожал. Поглаживая его рукой, Ника ласково смотрела на Чернышку. И вдруг: «Мяу...(Как ты вовремя, Ника, как я тебе благодарен! И зачем я погнался за этой мухой? Видел же, что Нюра никогда не закрывает форточку на задвижку. Ого, кажется, после пережитого мне требуется посетить туалет)». Чернышка заворочался и спрыгнул с рук ошалевшей Ники: «Или я схожу с ума, превращаясь в кошку, или...», – мыслям в Никиной голове стало тесно.

– Ника, что случилось? – испуганно спросила мама, забежавшая к бабе Нюре следом за Никой.

– Чернышка погнался за мухой, а баба Нюра не закрывает форточку на задвижку, – пробормотала Ника и рассеянно побрела домой. В раскрытую дверь туалета увидела Чернышку, сидящего в коробочке возле унитаза: «...Спасибо, Ника, не забуду твой героический поступок, следующую пойманную мышку принесу тебе, пока...». Ника вздрогнула и побрела дальше.

– ... Форточку, форточку закрывай, баба Нюра, на задвижку. Вот так! – мама все еще что-то объясняла бабе Нюре.

Квартира Сидоровых ожила. Мама возилась с завтраком, папа уже знакомился со спортивными новостями, как будто не хватило ему ночного просмотра спортивных телепередач. Ника закрылась в спальне и размышляла, сидя в своем вращающемся кресле. Шоковое состояние прошло. В ней что-то изменилось, и она пыталась разобраться, что именно. «Буду рассуждать спокойно. Руки, ноги, голова целы. У меня ничего не болит. Я все вижу и слышу. С ума я не сошла, это точно. Просто в моей голове появляются лишние мысли. Они даже не лишние, они как будто чужие... Вот опять, – Ника уперлась взглядом в пол: «Ну что за неряха моя хозяйка, третий день меня не подметает, потому-то и не может найти свою тетрадь для диктантов, которая валяется под кроватью...».

Решив ничему не удивляться, Ника полезла под кровать. Потерянная тетрадь валялась в самом углу. Вернувшись в кресло, Ника начала экспериментировать. В кресле сидел плюшевый мишка, ее любимая детская игрушка. Она внимательно взглянула на мишку. «Неужели Ника никогда больше не будет со мной играть...». Ника потрепала медвежонку мягкое брюшко. Взгляд упал на рисованного аиста, ее зачетную работу по рисованию: «А я летать хочу, а я летать хочу....». «Значит, неплохо получилось, – подумала Ника, – может быть, и пятерку получу. Кажется, я догадалась... Неужели я понимаю чужие мысли?! Пойду, проверю на родителях».

Мама завершала приготовление субботнего завтрака: дымящиеся пирожки, бутерброды, горячий чай с вареньем.

– Ну что застыла на пороге, – мама обернулась к Нике, – проходи, садись завтракать, героиня наша, спасительница кошачья. Ника продолжала стоять на пороге, вглядываясь в мамино лицо, и вдруг: «...Совсем ведь дочка взрослая стала. Пора ее к женским обязанностям приобщать, чтобы и пироги могла печь, а не только пельмени, да и шить и вязать неплохо бы научить. А то так и придется замуж неумехой выдавать...». Ника решила рискнуть:

– Ой, мам, а ты уж и пирожки успела пожарить. А почему меня не позвала, я очень хочу научиться вкусно готовить. Буду вас с папой баловать, а то вырасту неумехой, кто ж меня тогда замуж возьмет?

Мама замерла, удивленно взглянула на Нику и потрясла головой.

– Только что об этом думала. Действительно, дочка, в следующий раз будем печь вместе, а замуж мы тебя никому не отдадим, ты нам самим очень нужна. Садись завтракать!

«Получилось, – ликовала в душе Ника, – правда, нарвалась на работу, но ничего, справлюсь. Зато я поняла: я читаю чужие мысли. Ого-го-го, я теперь тако-ое могу! Надо будет на папе проверить».

Свое появление на кухне папа начал с попытки переключить телевизор на спортивный канал.

– Ну и что ты думаешь, я здесь просто так стою? – мама, которой, казалось, до телевизора и дела нет, приняла воинствующую позу. – Верни мой любимый канал.

– Прости, прости, дорогая, – ретировался папа и переключил каналы назад, специально задержавшись на репортаже о сверхнормативном росте ежедневных привесов на каком-то свинокомплексе.

– Ты знаешь, дорогая, действительно увлекает: тридцать голов от свиноматки, поразительная плодовитость, прибавляют по полкило в день, невероятный аппетит. Гордость переполняет сердце за таких свиноматок, да впрочем, и за свиноотцов тоже.

– Не ерничай, свинопапа, – улыбнулась мама, – давайте вообще выключим телевизор и обсудим сегодняшний выходной.

Не проводя референдума и голосования (вот он, обыкновенный семейный демократический матриархат!), мама выключила телевизор. Папа, видимо что-то упускающий в развитии мирового спорта, попробовал ретироваться в спальню, чтобы посмотреть телевизор на запасном «аэродроме».

– Я, пожалуй, позавтракаю позднее, – просительно глядя на маму, сказал он.

– На свой спорт часы тратишь, а нам минуту уделить не можешь, – мама решительно погасила папины порывы, – сядь спокойно и завтракай.

– Слушаюсь и повинуюсь, – папа сдался, обеспечив стопроцентную явку семейному совету.

– Ну, с утра предлагаю навести порядок, всю неделю было невозможно выкроить секунду на уборку. Продуктов на неделю надо закупить, в Мега-Молле кое-что посмотреть, а вечером хорошо бы сходить в баню. Кто «против», «воздержался», таковых нет, принимается единогласно, – решив вопрос, мама принялась за пирожки.

Ника вгляделась в понурившего голову папу, и вдруг: «...Сегодня в час футбол, наша команда играет в полуфинале Кубка города. Нет, жену не переубедить. Неужели опять идти на конфликт? Представляю все ее объяснения: она устала носить тяжести, дома есть нечего, а у меня минуты для семьи не найдется...». Решение Ника приняла моментально.

– Как это «против» нет? Ты что, мама, забыла что ли? Папа приглашал нас сегодня на футбольный матч своей команды. Ты-то, конечно, сказала, что сама не пойдешь, а нас с папой отпустишь. Я давно мечтала увидеть живой футбол. Пап, начало, кажется, в час?

Папа безмолвно запивал застрявший в горле кусок пирога.

– Когда это я согласилась с вашим футболом? – растерянно переспросила мама.

– Поза-позавчера, кажется, да, пап? – без зазрения совести лукавила Ника.

– Угу, – буркнул папа, у которого кусок пирога настойчиво стоял в горле.

– Ну ладно, футболисты, – согласилась мама, – только сначала продукты, а потом вы на футбол, а я в баню. А может, в Мега-Молл?

– Иди-ка ты лучше в баню, дорогая, – выдохнул, наконец, порозовевший папа.

После завтрака, заговорчески остановив Нику в коридоре, папа спросил:

– Я что, действительно приглашал вас на футбол?

– Конечно! Ты что, забыл, пап?

– Поза-позавчера? ...А-а-а, ну конечно, после банкета! – успокоенный папа пошел одеваться, приговаривая вполголоса. «Надо меньше пить, надо меньше пить...».

Счастливый папа был быстр и лаконичен. Одевшись за три минуты, он с выкриком: «Быть готовыми через ... десять минут!» загрохотал по лестнице. Ника выглянула в окно: казалось, это вихрь, поднятый скрывшимся за поворотом папой, раскачивал верхушки деревьев.

Подгоняемая папиными звонками («Ну где вы там? Вы скоро, в конце концов?!»), мама собралась на удивление быстро, и через двадцать пять минут все трое сидели в машине. По дороге в супермаркет «Перекресток» Ника внимательно смотрела в окно.

Мелькали дома и деревья, в голове стремительно проносились чужие мысли: «...Да что же он дымит как паровоз рядом с нами, идиот...»; «...Как он на меня смотрит, сердце замирает, да не стесняйся ты, красавчик, я не укушу, подойди, познакомься...»; «...Как же это я проспал?! Опоздаю, шеф убьет...»; «...Вот вырасту, буду продавцом работать, у них вон сколько денег много, что хочешь для себя купить могут...». Сердитая женщина, эффектная блондинка, вихрастый парень, девчонка с косичками. Ника сопоставляла, кому какая мысль принадлежит и вдруг: «...Так, повторим еще раз: захожу, охранник слева – стреляю, кричу: «Всем лечь на пол! Это ограбление!..».

– Папа, стой, – закричала Ника. Взвизгнули тормоза.

«...Деньги в мешок, и все живы», отдаю мешок, ровно через минуту забираю, выскакиваю и в машину. Бизон на месте, за рулем...». Ника внимательно смотрела на широкоплечего мужчину, нервно курившего у входа в ювелирный магазин.

– Что? Утюг забыла выключить? – папа испуганно взглянул на Нику.

– Ой, папочка, скорей звони в милицию. Вон тот мужчина хочет ограбить магазин, он охранника убьет.

– Не пори чепуху!

– Скорее звони, я его точно видела в передаче «Их разыскивает милиция». Это опасный преступник!

Папа уже набирал 02.

– Готовится ограбление ювелирного магазина «Белый аист»... Прямо сейчас, в эту минуту... Сообщите охране... Вооружен ли он? – Ника кивнула. – Да, вооружен. ...Сидоров Николай Андреевич, я в машине номер 574, возле магазина.

В напряженной тишине папа, мама и Ника наблюдали за происходящим.

– Пап, видишь зеленую «Ниву Шевроле», запиши номер, это его напарник Бизон... ой, кажется.

Папа записал номер и с подозрением взглянул на Нику:

– Тоже по телевизору видела?

Все произошло мгновенно. Мужчина зашел в магазин, оттуда раздался выстрел, разлетелась вдребезги стеклянная витрина, но в это время из-за угла стремительно вылетела милицейская машина. Выпрыгивая на ходу, милиционеры побежали в магазин. Зеленая «Нива» рванула вверх по улице. Зазвонил папин телефон.

– Алло? Да, сейчас... Просят подойти, вы смотрите, никуда не выходите.

Папа пошел к магазину. Майор милиции о чем-то спрашивал папу, который показал сначала на машину, потом направление, в котором скрылась «Нива». Майор что-то записывал, куда-то звонил. Два милиционера вывели преступника в наручниках и посадили в машину. Вышедший из магазина белобрысый парень в защитном комбинезоне, наверное, охранник, долго тряс папе руку.

– Ну и в историю мы влипли, – папа завел машину, – ладно, поехали за продуктами.

Посещение магазинов было любимым Никиным занятием. Приятно бродить с огромной тележкой между полок и витрин, выбирать понравившийся товар, следить, как у тележки покрывается дно, потом она заполняется до середины и наконец, доверху набита всякой снедью. Сегодня в магазине было интересно вдвойне: Ника

понимала все, о чем думали продукты. «...Привет, я только что из морозильника, а ты давно тут на витрине торчишь? – Уже третью неделю. Упаковку пять раз меняли, а все равно никто не берет...» – поймала Ника разговор двух скумбрий и сразу предупредила маму, собравшуюся взять ту, что покрупнее:

– Не бери, мам. Я эту рыбу еще три недели назад видела!

– Да у нее же упаковка новая.

– Это, мама, продавцы химичат, меняют упаковку каждые два-три дня.

В корзине стонали огурцы: «...Ну что, и ты, толстяк, меня не возьмешь? Тоже за свининой? А знаешь, сколько в ней холестерина? А калорий? Обжора! Ну и толстей!..». Толкались селедки в пластиковой таре: «...Убери свой плавник, пузатая!» – «Не пузатая, а с икрой, на радость покупателю, не то, что ты, дева старая...». «Да что ты тычешь в меня, идиот. Синяков наставишь...» – ругалась буханка хлеба. Ника попробовала заткнуть уши – внешние звуки пропадали, но чужие мысли оставались.

В очереди в кассу она заметила своих одноклассниц – Валю и Соню, живущих в соседнем с магазином доме. Они стояли спиной, оживленно чирикая, и не видели Нику. Ника лишь слегка различала обрывки их разговора, но отлично, совершенно отчетливо, понимала их мысли.

– ...И я, конечно же, ей прямо говорю: «Если у тебя нет совести, ты, конечно, кушай одна это пирожное, но ведь ты уже съела два, а Огурцову ни одного не достанется. (...Я бы тоже с удовольствием съела его, но не при других же. Вот если бы этого никто не видел...) Я всегда думаю о друзьях». А она мне в ответ: «Да ты сама, наверное, ждешь, когда я отвернусь, чтобы самой слопать!». Да как она такое обо мне подумать могла?! Бесстыжая!

– Это уж точно! У нее совести ни на грош. (...Да и сама ты, Сонька, такая же, точно хотела это пирожное слопать, вечно на чужое метишь...) Ты-то точно настоящий друг, я в тебе на все сто уверена! (...Вместе с тобой в летнем лагере отдыхать больше ни за что не соглашусь...) Сколько мы с тобой в «Чайке» пережили! А Сергей тебе хоть раз с лета позвонил?

– Ты что? Да я с ним и разговаривать не буду! (...Каждый вечер жду его звонка. Сама боюсь позвонить – вдруг услышит мой голос и трубку бросит...) Он мне сейчас до лампочки, мне Денис теперь записки пишет!

– Денис?! Ну тогда конечно! (...Так я и поверю! Да за ним все девчонки бегают, станет он тебе писать...) Ну и счастливая ты! Даже не верится.

– Вот свидание назначил. (...Ну меня и понесло, надо бы поосторожней врать-то...)

– Когда? Где? (...Да ты, подруга, вообще завралась...)

– Так я тебе все и выложу! Я еще не решила – идти ли! (...Позвал бы – так бы и побежала...) Наверное, не пойду.

Слышать это у Ники не было сил.

– Привет, девчонки, – оборвала она разговор подруг.

– Привет, Ника, – одновременно поздоровались одноклассницы, – что это тебя в наш район занесло?

Ника пыталась услышать их мысли, но внутри стояла абсолютная тишина, можно сказать, засуха в мыслях, и продолжила сама:

– Да мы с родителями за продуктами, а вы что тусуетесь, уроки сделали? – Ника пыталась найти тему для разговора. Отвернуться было неудобно, а говорить вроде не о чем.

– Забыла, что ли, мы же тут живем рядом? (... О, Сидорова, вот с кем бы подружиться! Верка только о себе думает, а Сидорова никогда не подставит...) Я уже с утра все уроки сделала, могу помочь. Кстати, по твоему совету раствор перекиси за одну ночь помог, ни одного прыща не осталось! – к Никиному удивлению на Валином лице действительно не осталось ни одного из вчерашних двух десятков прыщей.

– Да нет, спасибо, Валь, я сейчас приеду домой, сама справлюсь. Слушай, Валя, ты ведь баскетболом занимаешься. А меня возьмут, как ты думаешь? (...Хочет подружиться, можно и попробовать)

– Думаю, что возьмут. Тут ведь главное начать, а там затянет. А из-за небольшого роста ты не волнуйся, нам как раз разыгрывающей не хватает. Главное, у тебя характер сильный. Приходи в среду. (...Надо будет с тренером поговорить, нам Сидорова как раз в команду подойдет, вон как на лыжах здорово пробежала...) Ты это, Ник, со спортом верно решила, – никогда Валя не была такой приветливой.

Ника обернулась к Соне, не проронившей пока ни одного слова. (...Ну Валька, ну дает, подружка! Что это она так с Сидоровой рассюсюкалась? Помогу, приходи, разыгрывающей ей не хватает... мне, подруге, никогда такого не предлагала. А Сидорова-то, ужас, как пигалица оделась – смотреть невозможно. Вкуса у этой Сидоровой вообще нет...) Ника поежилась: «Да, насчет куртки Сонька точно подметила!

Я с ней и сама согласна, эти «дутики» давно из моды вышли! Буду насмерть стоять, но маме не уступлю – куртку эту больше не надену. Не хватало еще, чтобы надо мной так насмехались!».

– Ника, догоняй! Привет, девчата, – папа уже расплачивался в соседней кассе.

– Ну, тогда договорились, я точно в среду приду к вам на тренировку – попробую. Пока, девчонки, до завтра, – Ника побежала помогать укладывать продукты.

Продукты были завезены домой, мама в баню, а Нике пришлось ехать на футбол. На стадионе дул пронизывающий ветер. Ника завидовала маме, она бы лучше оказалась с ней в парилке, чем на заснеженном стадионе, но это были издержки ее удивительного дара. «Потерплю», – решила Ника. Окрыленный папа с увлечением комментировал игру, но до Ники не доходил смысл происходящего: по мокрому снегу, на пронизывающем ветру двадцать два здоровых мужика, пинаясь и падая, гоняли скользкий мяч.

– Судью на мыло! Совсем совесть потерял! – Ника испугалась. Кажется, у папы начинался приступ бешенства.

– Папа, успокойся, ничего же страшного, – попыталась уговорить его Ника.

– Да как же ничего страшного! Пенальти в наши ворота, ни за что! Все время нас засуживают.

Игрок под девятым номером устанавливал мяч, готовясь пробить по «папиным»воротам. Тяжело дыша, положив под язык валидол, папа покачивался из стороны в сторону. Ника вгляделась в игрока:

– В правый угол решил бить, – машинально отметила Ника.

– Что-что? – напряженно застыл папа.

– От себя в правый угол...решил, – осторожно повторила Ника.

– Коля, держи правый угол, – от папиного крика у Ники заложило левое ухо.

После удара мяч неторопливо закатился в правый угол, вратарь был в противоположном.

– Ну что же ты, Ника? – огорченно укорил папа.

– Я же сказала: от себя! От себя в правый угол он решил бить! А ваш вратарь бросился в левый от него угол.

Папа долго, молча и подозрительно перебегал глазами от Ники к воротам и обратно.

В перерыве игроки обсуждали последние новости: ограбили ювелирный магазин, застрелили охранника и всех продавцов, украли драгоценностей на десять миллионов. Обросшая слухами правда, которую знала Ника, изменилась до неузнаваемости. Ника молчала, потому что молчал папа. Глядя на нее, он лишь многозначительно покачивал головой: «…Что-то удивительное с Никой сегодня происходит, все ли нормально, здорова ли? Замерзла она, кажется, не поехать ли домой…».

– Все нормально папа, замерзла я что-то, поехали-ка домой, – машинально промолвила Ника и, не дожидаясь ответа, побрела к машине.

По дороге домой Ника обдумывала ситуацию. Было ясно, что объяснения не избежать.

Раскрасневшаяся мама появилась дома около шести.

– Ну, как вы тут, ужинали или меня ждали? (…Как бы деликатнее рассказать мужу про новые сапоги? Цену, конечно, надо занизить в три, нет, в четыре раза…) Папочка! А у меня сапожки зимние разорвались, три года назад купленные.

– Давай купим новые, – папа явно думал о своем. (…Надо посоветоваться с ней о том, что происходит с Никой…) Мне срочно нужно с тобой поговорить.

– А я уже и купила, и всего за две тысячи. Здорово, да?! Сейчас покажу.

– Да ладно ты, пойдем, поговорим, – Ника поняла, что разговор будет без нее и заперлась в своей спальне.

Минут через десять Нику позвали ужинать.

– Ника, с тобой происходит что-то странное, у тебя все нормально? – начала разговор мама.

– Да, – Ника уперлась взглядом в солянку, боясь перепутать, где у родителей слова, а где мысли.

– Сегодня невероятный день. Это ограбление, Чернышка, папа про футбол удивительное рассказывает. Может быть, объяснишь?

Врать не было ни сил, ни привычки. Ника вздохнула и подняла глаза:

– Я стала понимать чужие мысли.

– ???

– Я понимаю все, что думают окружающие меня люди…вещи… предметы…

– ...(...Бедняжка, не думала что это может случиться с моей дочерью, наверное, от нагрузок, к психиатру надо ее сводить немедленно...)

– Не надо к психиатру, твоя дочь не сошла с ума!

– Я что, сказала это вслух?

– Сейчас сказала, а до этого подумала.

– ...(...А может, действительно, задумаю число 27, спрошу и проверю – догадается ли...)

– Двадцать семь!

Папа беспокойно вертел головой.

– Правильно...(...Значит, это я схожу с ума...)

Ника уткнулась в солянку.

– Мама, ты не сходишь с ума, просто все, что я сказала – правда.

Около минуты в комнате висела напряженная тишина.

– При всех плюсах это ужасно, – сделала вывод мама, – рядом с тобой человек лишается своего единственного святого убежища – недоступности его мыслей. Находиться рядом с тобой станет невозможно, тебя начнут сторониться, может быть, даже близкие, ты сама сойдешь с ума от чужих мыслей, тебе будет казаться невероятным их существование и их содержание тоже... А на что способен человек от одиночества, я и представить не могу...

Мамины слова как гвозди вбивались в голову.

– Стоп, стоп, стоп, тормозим! В этом, Ника, много хорошего! Поверь мне, – папа всегда искал позитив, – не надо торопиться! Обдумаем, – взглянув на Нику, папа поперхнулся, – все завтра, а сегодня спать, спать, спать!

Ника брела в свою спальню в тумане набегающих слез. «Мама права, она права тысячу раз! Как же я несчастна!» – девочка бессильно опустилась на кровать.

– У тебя все нормально? – постучался папа.

– Все о'кей, я уже сплю, не беспокойтесь, – жалея родителей, ответила Ника.

Раздался щелчок, и в тишину спальни влилась успокаивающая мелодия Сен-Санса.

Из зеркала на Нику смотрела зеленоглазая стройная чертовка.

Глава восьмая

Ника в очередной раз не поняла, как это происходит. Просто она как будто глубже, чем обычно, вздохнула, покрепче зажмурила глаза и – щелк! – словно у нее в голове кто-то переключил канал, и она все-все вспомнила: Васю, Дьявола, свой талант и, конечно, Прохора. Он сидел в кресле рядом с плюшевым мишкой, подаренным ей еще в детском саду, и задумчиво поглаживал отрастающие бакенбарды.

– Я вот думаю, неужели со всеми душами столько беспокойства и приключений, как с твоей? Дай-ка я тебя обниму. Я так страдал, едва не лишил себя жизни за свою беспечность... Я летел по Космосу, заглядывал во все двери. Ради тебя я был готов на все, я готов был погибнуть! Расскажи мне...

– Ты знаешь, никогда бы не подумала, что все это есть на самом деле: ангелы и бесы, Алва и Тартар, Бог и Дьявол, – Нику передернуло, перед ней словно мелькнула ужасная морда Дьявола. Мне даже страшно представить, что могло бы случиться, не убеги я из Преисподней...

– Я уверен, ты бы справилась. Дьявол не смог бы забрать твою душу ни обманом, ни запугиванием. Ты ему, всесильному, оказалась не по зубам. Маленькая, хрупкая, но со стальным стержнем внутри. Сбежать от самого Дьявола! Твой подвиг достоин воспевания в стихах! Пожалуй, я займусь этим, надо же как-то оправдывать свое сходство с Пушкиным.

– Да что ты, Прохор, – Ника смущенно улыбнулась, – всего-то заехала табакеркой по носу, у нас в классе потасовки похлеще бывают.

Но Васька-то, Васька каков! Я уж было к нему относиться по-человечески начала, а он... обманом завлек, предатель, как подножку на асфальте, как удар исподтишка. Неужели у него хватит наглости появиться снова?

– Да он, пожалуй, уже здесь, сейчас мы взглянем в его продажные глазенки.

Прохор достал баночку с волшебным порошком и дунул им на Нику. Она обернулась влево – вместо Васи на плече восседал кривоногий, с выпирающими зубами бес. От неожиданности у Ники пропал голос.

– Ты кто такой, ты откуда здесь, ты по какому праву? – в голосе Прохора тоже чувствовалось смятение.

– Затихни, молокосос! Я здесь с мандатом Дьявола, вот его отметка. Игнатом меня звать, – по левой щеке Игната проходила белая полоска шрама, на правой кисти синела наколка: «ВДВ, Леня». – Я смотрю, разбазарились вы тут не по делу, свинюшки недорезанные, унитазы давно не чистили, давно рылом грязь не пахали!

– Какие унитазы? Какую грязь? Сейчас плюну на тебя три раза и сгинешь, нечистый, – от ненависти и возмущения Ника не могла отдышаться.

– Я тебе плюну, девчонка паршивая! – мускулистой, в прожилках лапой Игнат схватил левое Никино ухо и вывернул его на сто восемьдесят градусов, так что искры брызнули из глаз. Левой лапой Игнат заехал Нике по носу, так что тоненькая струйка крови ручейком побежала по подбородку.

– Про-оо-хор, – в голосе Ники сменяли друг друга призыв о помощи и чувство безысходности.

Прохор скинул свою накидку и, в стремлении спасти Нику, приготовился к прыжку.

– Стоять на месте! – Игнат уже сидел на Никиной голове. – Одно движение, и я ей глаза выколю, – острые когти блеснули в свете настольной лампы. Прохор замер в кресле.

– Стоять, бояться, не двигаться, слушать меня внимательно, – уверенный голос Игната парализовал Нику и Прохора, оба покорно замерли.

– Вы что, думали, что Дьявола безнаказанно унижать можно? Вы что о себе возомнили? Да я таких ангелов, как ты, Прохор, пачками давил! Вы, может, подумали, что наше законное место

на левом плече теперь пустовать будет? Успокойтесь, у нас такие слюнтяи, как Васька ваш, редко встречаются, у нас в основном такие, как я, непробиваемые. Я, может, тебя, Ника, и не завербую, но жизнь я тебе устрою сладенькую. Можешь не сомневаться. Ну что, успокоились, герои?

Игнат перебрался на Никино плечо, закинув ногу на ногу.

– А Вася к кому-то другому переведен? – робко поинтересовалась Ника.

– А Вася ваш у демонов, на дианнуляции. Не завидую я ему, сурово, конечно, но необходимо. Выйдет он оттуда зверь-зверем, беспощадным и жестоким... если выйдет, конечно.

Сложившаяся ситуация Нику не устраивала. Этот бес Игнат бесил ее ужасно. «Неужели мы вдвоем с Прохором с ним не справимся? – размышляла Ника. – Он хоть и здоровый, но мы-то вдвоем. Он нас на испуг взял, неожиданной наглостью. Надо с ним так же, хитростью, чтобы успокоился и расслабился». Ника незаметно подмигнула Прохору, который переминался с ноги на ногу, стоя в кресле.

– Да, Игнат, я таких сильных, как ты, еще не видела. Ты, наверное, спортом занимался? Чемпион какой-нибудь?

– Я и спортом занимался, и чемпионом был, но главное, я из личной охраны Дьявола!

– Ты там, наверное, главный над всеми? Чувствуется в тебе хватка командирская, – Ника заметила снисходительную улыбку на противной игнатовой морде.

– Ну, не на последних ролях, скажем так. Я еще и в мирской жизни отличился. Еще тогда был хулиганом, да что там хулиганом – бандитом высшей марки. Бил до крови, обманывал, воровал, унижал – вот и попал на заметку к Дьяволу. Карьера...

Ника чувствовала: наступает благоприятный момент для атаки. Она еще ощущала острую хватку Игната, но хвост, крепко обвивавший ее левую руку, уже ослабел и почти соскользнул на спину. Лапы отпустили ее ухо и сложились крест-накрест на волосатой груди беса. «А какое у меня оружие? – размышляла Ника. – Конечно, острые, крепкие зубы. Но, чтобы его применить, надо скинуть беса с себя. Надо только успеть плюнуть на него три раза, мигом слетит! А там уж и накинемся вдвоем с Прохором».

– ...А уж как понял, что попал на заметку к Дьяволу, тут и предавать начал. Предать родных, предать друга, это, Ника, первейшее дело. Тебе, смотрю, интересно стало. Ты не грусти, главное, начать хотя бы с мелких пакостей, а там и до предательства дотянемся.

– А что тянуть-то, («Настал момент», – решила Ника) – сейчас и начнем с мелких пакостей.

Игнат удивленно посмотрел на Нику. Кажется, он начал понимать свою ошибку, но было поздно.

– Тьфу, тьфу, тьфу, сгинь, нечистая!

Игнат кувырком полетел в угол и стукнулся затылком о гирю, доставшуюся Нике от старшего брата. Вспомнив об ужасном унижении, о вывихнутом ухе, о разбитом носе Ника, с неожиданной для себя ненавистью и силой, вцепилась в игнатов хвост. В то же время шею беса оседлал Прохор. Картина была веселенькая: отчаянно визжа, Игнат галопом скакал по комнате. Сидя на бесе верхом, Прохор ногами сдавил ему шею. Ника, крепко уцепившись зубами за хвост, вагончиком скользила за Игнатом, обивая все углы, но крепко, боясь упустить Игната, сжимая зубы. Игнат кувыркался, прыгал, переворачивался на спину, но Прохор и Ника не отпускали его ни на мгновение. Игнат задыхался, движения становились медленными, визг сменился хрипом, дыхание стало прерывистым – потеряв сознание, Игнат рухнул на пол.

– Уаи сузи...

– Что, что, – глубоко дыша, переспросил Прохор.

Ника выплюнула отгрызенный кусочек Игнатова хвоста.

– Лапы свяжи ему, пока он в себя не пришел, вон скотч на столе.

У Ники от волнения кружилась голова, ее подташнивало.

– Прохор, а дальше что? Что делать-то? Как от него избавиться?

Ника чувствовала: еще чуть-чуть, и у нее начнется истерика, так она боялась Игната.

– Есть выход. Крестик нужен. У тебя есть крестик? – Прохор уже скрутил лапы Игната скотчем и прислонил беса к стенке.

– Да, вот в этом ящичке, достань, пожалуйста.

Прохор достал крестик, которым Нику крестили.

– Не знаю, правильно ли я делаю, что учу тебя, но нам и в самом деле может не поздоровиться, когда он придет в себя.

Прохор задумчиво гладил себя по подбородку. – Ну ладно, слушай. Надень крестик, когда Игнат придет в себя, перекрестись, приложи крестик к своему левому плечу и со словами: «Лишаю тебя, Игнат, и любого другого беса, вашего договорного места на моем плече! Раз и навсегда, во веки веков», прикоснись крестом ко лбу Игната.

– И всего-то?! – Нике заметно полегчало.

– В заключении перекрестись. Но учти, что этим мы с тобой нарушим договор Дьявола и Бога, и я не знаю последствий. Что потребует Дьявол у Бога за нарушение договора? Как отнесется к нарушению договора Бог?

Игнат застонал, пошевелился и открыл глаза.

– Что уставились?! Сейчас отдышусь и такое вам устрою! – Бес сверлил глазами Нику, которая торжественно подошла к нему и перекрестилась. – Ты что? Перестань, не делай этого...

– Лишаю тебя, Игнат, и любого другого беса... – Ника прикоснулась крестом к своему левому плечу...

– Это не по закону, это нарушение договора, – Игнат извивался, как червь.

– ...вашего договорного места на моем левом плече, раз и навсегда, во веки веков!

Игнат напряженно замер, ужас отразился в его остекленевших глазах. Ника тянулась к нему крестом. Бес вжался в стену. Едва крест коснулся лба Игната, тот мгновенно растаял, оставив после себя легкую дымку.

– И это все? – Никино сердце бешено колотилось.

– Все! Нет, Игнат, конечно, жив, он наверняка уже у Дьявола, но здесь он уже не появится, это точно. Вот только хорошо ли это для нас, или плохо, я пока не знаю.

Из глаз Ники хлынули слезы, сдерживаемое напряжение вырвалось наружу.

– Успокойся, дай я тебя обниму. Ты умница, ты все сделала правильно. Теперь я понял, только ты и могла уйти от Дьявола, я понял, почему ты избранная Богом. Все хорошо, не плачь.

– Ва-асю жа-алко!

– Этого обманщика?

– Он ведь все-таки мой бесик, это ведь из-за меня он у демонов. Диануляция, это страшно?

– Я слышал, что нет ничего страшнее. Ты знаешь, мне тоже жалко Васю. Привязался я к нему.

– Мы его больше не увидим?

– Прежним уже нет. А если и увидим, то нам не поздоровится.

– Неужели мы не в силах ничего изменить?

– Нет ничего невозможного. Я этих демонов и не видел. Может, они нам вполне по зубам. Ну, по твоим точно, – Прохор с уважением взглянул на огрызок Игнатова хвоста. – Ты действительно хочешь спасти Васю от демонов?

Ника вытерла слезы.

– Хочу!

– Я, конечно, не архангел, но я тоже кое-что могу, – поглаживая подбородок, Прохор нервно выхаживал по комнате. – ...Поверят, обязательно поверят... доберемся, должны добраться... Ника сможет, у нее получится... Погибнуть? Да, можем и погибнуть! Ника, ты готова погибнуть за Васю?

– Мы не погибнем! – Никины глаза горели решимостью. – Выкладывай, Прохор, что придумал.

– Мы проникнем к демонам под видом корреспондентов газеты «Дьявольские новости», есть у них такая.

– А наша внешность, мы ведь не похожи на бесов?

– Если бесы могут перевоплотиться в ангелов, то и ангелы способны стать похожими на бесов. Ты еще не знаешь о моих способностях, Ника.

Закрыв рот ладонями, как делают, когда собираются чихнуть, Прохор что-то зашептал. Наконец, он раскрыл ладони в сторону Ники и начал заклинание:

– Эники-беники

Ели вареники...

«Где-то я это слышала», – подумала Ника.

Голос Прохора гудел, как вентиляция в тридцатиградусный мороз.

– ...Эники-беники бац,

Вышел пузатый матрац, – торжественно завершил Прохор.

– Ты ничего не перепутал? – Ника готова была расхохотаться.

– Здорово получилось! Неужели это ты, Ника? Посмотри на себя в зеркало.

Ника осторожно приблизилась к зеркалу. Сделать это оказалось трудно, ноги почему-то скользили по паркету. Из зеркала на Нику смотрела зеленоглазая стройная чертовка.

– Ах, хороша! – Прохор восхищался Никой. – Ты дьявольски хороша. Уверен, еще много раз ты услышишь это в своей жизни.

«Ушки слишком торчат», – отметила про себя Ника.

– Пусть только попробуют не поверить. Да демоны встанут в очередь за право дать тебе интервью, – восхищался Прохор.

– А ты сам-то со мной? Или я одна полечу к демонам? – возмутилась Ника.

– Я с тобой! Сейчас буду готов, – засуетился Прохор.

Он накинул на себя серебристую накидку и завертелся, как юла. Внезапно накидка отлетела в сторону.

– О-ля-ля, а вот и я, – перед Никой стоял веселый черт с ультрамодным ирокезом на голове, с сережкой в ухе и с густыми бакенбардами до плеч.

– От своих любимых бакенбардов ты, конечно, отказаться не мог, а вообще-то нормально, Киркорова напоминаешь. Ну что? Мы летим?

– Давай проверим документы, – из заднего кармана брюк Прохор достал свое удостоверение. – О, я оказывается аж заместитель главного редактора бес Эдуард. Разрешаю тебе звать меня просто Эдик.

Свое удостоверение Ника нашла в нагрудном кармане джинсовой курточки.

– Корреспондент газеты «Дьявольские новости» Изольда... Что за дурацкое имя? Сам придумал? – она обернулась к Прохору. – А если сокращенно, то как будет?

– Изольда! Ты наша дьявольская знаменитость! О тебе грезят половина жителей Тартара. Я уверен, мне придется отгонять от тебя демонов. А я тебя буду звать просто – Изя.

– Прохор...

– Какой я тебе Прохор?!

– Прости. Эдик, а нельзя мне юбочку удлинить? – Ника никогда не носила такое жесткое мини.

– Изя, тогда демоны не увидят твоих стройных ножек, а они – залог нашей безопасности.

– Демоны?

– Ножки, Изя! И вообще, мы можем опоздать. Путь неблизкий, поторопимся.

И они вновь понеслись над спящей великой Россией. Блестящими огоньками исчезали за спиной города, где в мягких постелях спали крепким сном утомленные люди. Те же, кто, мучаясь от бессонницы, смотрел в звездное небо, могли заметить скользившие по небу искорки – Прохора и Нику.

– А ты знаешь туда дорогу? Мы не заблудимся? Ты там был?

– Я там не был, но знаю туда дорогу, потому что не дай Бог туда попасть! Кроме сегодняшнего исключительного случая... Вот мы и прилетели.

Они стремительно приближались к действующему вулкану. В отблесках вылетающих искр угадывались очертания полуострова Камчатка. Клубы дыма застилали небо, огненная лава стекала к подножию. «Ключевская сопка», – догадалась Ника и зажмурилась. Пахнуло жаром, языки пламени опалили ее щеки.

– Держись, терпи, – Прохор крепко обнимал Нику.

«Не хотелось бы поджариться заживо, – увиденное не вселяло оптимизма, – и на что нам сдался этот Вася?» – мелькнула предательская мысль.

Повеяло прохладой. От резкого торможения ком подкатил к горлу.

Одинокая багровая кнопка висела в пустоте.

«Да? ...Нет?» – сдерживая дыхание, Прохор искал ответ в Никиных глазах.

Готовая отрицательно покачать головой, Ника глубоко вздохнула и... кивнула: «ДА».

Прохор решительно нажал на кнопку... В нос ударил смрадный запах, от нестерпимой жары на теле мгновенно выступили капельки пота. Вокруг плавал бордовый туман, под ногами темнела бездна.

– Вы кто? – из тумана выплыл сгусток мускулов. Островерхие уши, лысая голова, треугольные зубы. – Зачем пожаловали? «Такой голос и у меня будет, если говорить в литровую ... нет, трехлитровую банку, у нас много таких в подвале», – не к месту и не ко времени

Нике в голову лезла всякая ерунда. Наверное, от безысходности положения.

– Мы-ы-ы с мандатом Дья-я-явола, я надеялся, что Ва-а-ас предупреди-и-или, Ваша Мерзость, – голос Прохора напоминал козлиное блеянье.

Монстр уже вертел в лапах их удостоверения.

– Эдуард, это ты, значит?

– Я-я-я.

– Изольда... Неужели та самая? – охранник пожирал Нику горящими глазами.

– И-именно та-а са-амая!

Говорить Ника была не в силах, только мысли кружились в голове.

«Этот громила у них, наверное, бюро пропусков и служба безопасности в одном лице... Надеюсь, у нас все в порядке с документами... не хотелось бы мне попасть в руки... да какие руки... настоящие крюки этого воротилы».

– С документами у вас порядок, – Ника облегченно вздохнула. Полдела было сделано, голос демона загудел более дружелюбно. – Я, начальник охраны Уэд, провожу вас к Стейгу, он тут ответственный за пропаганду.

Уэд хлопнул в ладоши. Туман пропал. Они находились в ... все напоминало проходную на папиной работе: правила и списки телефонов на стенах, фотографии демонов-передовиков в рамках, матовые стены и багровый лозунг: «Нет – добру, Нет – жалости, Нет – любви, ЗДЕСЬ – ЖЕСТОКОСТЬ».

– Забирайтесь ко мне на спину, я вас мигом доставлю, – Прохор и Ника разместились в просторных карманах за спиной Уэда.

Проворно выскочив за широкую дверь, Уэд ловко побежал по едва заметной дороге. Его колени сгибались, как у кузнечика, бежал он очень быстро, пружинистыми прыжками. Все вокруг было окрашено в багрово-красные, кровавые тона. Стоны и крики неслись из сооружений с вывесками «Пыточная № 7», «Зал ожидания наказаний», «Комната убийств», «Специальные издевательства», «Лаборатория страха»...

– Шумно у нас сейчас, рабочая ночь. Днем потише будет, – успокоил Уэд.

Вбежав в здание с вывеской «Администрация», демон остановился перед дверью с табличкой «Стейг – связи с общественностью».

– Рад Вас видеть, очаровательная Изольда, – Стейг, в отличие от Уэда, не выделялся мощной мускулатурой, был худощав, строен и лыс, и лишь горящие глаза и острые уши выдавали в нем демона. – Много о Вас читал, много слышал о Вашей красоте, но Вы подтверждаете истину: «Слышать – ничто, увидеть – все!».

Стейг галантно поцеловал Нике лапку. «Только бы к ней вернулся дар речи, а то гореть нам в огне с оторванными конечностями», – волновался Прохор.

– Вы льстите мне, неужели Вы читаете нашу газету? – дыхание Ники восстановилось, ее голос был так же обольстителен, как и внешность.

– Без «Дьявольских новостей» мы не можем и дня прожить!

– Я слегка волнуюсь, в моей карьере было много встреч, я даже беседовала с Дьяволом, он просто душка, – говорить это было противно, – но впервые встречаюсь с демонами.

– И что же Вас привело к нам?

– Ваши имена окутаны тайной, вашими злодеяниями восхищаются, они передаются от поколения к поколению. Когда нам, бесам, трудно, мы знаем, что есть вы, демоны, что вы придете за нами следом и ... – хотелось сказать «наведете порядок», но это явно не подходило к ситуации, – ...принесете справедливое наказание неразумным, посеете ужас и страх, вырвете сердца, прольете кровь врагов, высечете их хлыстами, вырезанными из их кожи...

Прохор вспотел, настолько явственно встала перед ним эта картина. «Не зря у нее пятерка по литературе», – подумал он.

– Ваши слова – великолепная ода о нас. Вы самая талантливая муза темной стороны мироздания, – Стейг похлопал в мохнатые ладони, – я благодарен судьбе за встречу с Вами. А мы всего лишь творенье Дьявола, наша работа – будничная, повседневная, кропотливая деятельность во благо Дьявола и его темной идеи зла. Кстати, прошу извинить, вы ведь с дороги, а я вам ничего не предложил. Вот прекрасная, свежая, такой у вас в Тартаре и не сыщешь, кровь.

Стейг разлил в прозрачные сосуды густую темно-красную кровь и подал их Прохору и Нике.

– Что это у Вас руки дрожат? Угощайтесь, для дорогих гостей нам ничего не жалко.

Ника и Прохор переглянулись. Отказаться значило погибнуть.

– У нас это большая редкость, – Ника приняла бокал. «Пила нектар, выпью и кровь, не погибать же», – она отхлебнула первый глоток. – Какой аромат! Какой букет! – Ника допила до дна. «Только бы не вырвало».

Стейг посмотрел на Прохора.

Побледнев, Прохор глубоко вздохнул и выпил содержимое сосуда залпом.

– Эдик, простите, Эдуард, заместитель главного редактора, – выдохнув, представился он.

– Ну, тогда к делу, – Стейг снова обратился к Нике, – что требуется от меня?

– Мы планируем построить статью в виде интервью.

– Задавайте Ваши вопросы, я готов отвечать.

На полке вдоль стены стояли колбы с бесами. Было непонятно, как те помещаются в таком маленьком пространстве.

Глава девятая

– Безусловно, демоны – самые совершенные создания во Вселенной. Что Вы можете рассказать о себе и Вам подобных? Эдик, сфотографируй нас! Это разрешено?

– Да пусть фотографирует... Дьявол – вот совершенство, а не мы, демоны, созданные Дьяволом для устрашения мироздания и торжества темных сил. Безмерна наша сила, мы не чувствуем боли, мы не знаем жалости, даже вид наш страшен...

– Но не все демоны страшны. Вот вы, Стейг, достаточно милы, как говорят наши подопечные – люди.

Стейг снисходительно улыбнулся.

– И я могу быть страшен, – улыбка сползла с лица демона, он закрутился вокруг своей оси. «Совсем как людоед в сказке про кота в сапогах», – подумала Ника. Стремительное движение прекратилось. Веронику люто пожирало глазами ужасное существо: абсолютно лысое, с острым носом, треугольными ушами, выпирающими клыками с каплями слюны на концах. Мускулистое тело с когтистыми жилистыми лапами, способными разорвать все, что встретится на пути, вызывало парализующий страх.

Демон сделал шаг в сторону Ники и Прохора. «Это конец!» – мелькнуло в сознании девочки.

– А-а-а... – крик ужаса, казалось, заглушил все звуки во Вселенной. Демон остановился и закружился в обратную сторону. Через мгновенье перед Никой снова стоял Стейг.

– Приношу извинения за то, что испугал Вас, я видел Ваш ужас. В своем естественном виде мы, демоны, не в силах улыбнуться. Эдуард, я видел, что Вы меня сфотографировали, этот снимок надо уничтожить. Наша сущность до определенного времени должна оставаться тайной. Ваш следующий вопрос?

– Мы, бесы, завоевываем людские души, поворачивая их путь в сторону темных сил, настраиваем на зло. А в чем ваша главная задача?

– Мы – авангард темных сил, гвардейцы Дьявола. Мы несем Земле несчастья и беды. Землетрясения, цунами, войны – каждый из нас уносит тысячи человеческих жизней. Мы с гордостью заявляем: демоны – это ужас, паника и братоубийство на Земле.

От услышанного у Ники застучало в висках.

– Стейг, говорят, что вы поддерживаете чистоту наших рядов. Благодаря диануляции, которую проводите вы, к бесам, потерявшим бесовскую суть, возвращаются ненависть и жестокость...

– Да, мы с радостью выполняем и эту тяжелую работу.

– Мы бы хотели увидеть эту процедуру, сфотографировать ее. Я думаю, всем полезно заранее знать, что ожидает за проявленную к людям или ангелам лояльность.

– Там не так много крови. Может, лучше показать вырывание печени? Или отсечение конечностей?

– Нет-нет, – Ника старалась быть убедительной, – сам Дьявол попросил нас подробнее рассказать бесам о диануляции.

– Ну, хорошо, подчиняюсь.

Через три минуты быстрой ходьбы под нескончаемые вопли обреченных Стейг подвел их к зданию с вывеской «Диануляция бесов».

– Демон-дианнулятор в командировке на Земле, организует цунами. Вы еще услышите об этом ужасе в Индийском океане, а пока я вам сам все покажу.

Стейг провел их в комнату, напомнившую Нике холл перед зубоврачебным кабинетом в детской поликлинике.

– Здесь ожидают процедуру направленные на диануляцию бесы. Они поступают к нам в стеклянных колбах, закрытые печатью Дьявола.

На полке вдоль стены стояли, как в очереди, десять колбочек. Все они были заполнены бесами. Было непонятно, как те помещаются

в таком маленьком пространстве. Лапы, хвосты, головы – все было переплетено и сдавлено. В третьей с краю колбе Ника разглядела Васину мордочку, приплюснутую к стеклу. Ей даже показалось, что бесенок плачет.

– Ну, а что происходит потом? – Ника взяла Стейга под руку и повела в следующую комнату, – Эдик, сфотографируй тут все, – указав глазами на колбу, Ника подмигнула Прохору.

– А здесь проходит сама процедура, – перед Никой предстала сложная система, состоящая из пружин, крюков, канатов и еще чего-то, – нарушитель зажимается в этих тисках, скручивается до полной сухости. Стекающая кровь собирается в этом поддоне, – вошедший следом за ними Прохор незаметно кивнул своей спутнице. – Добавляется порошок из смеси крапивы, мышьяка и чертополоха, замешанной на крови великих маньяков. Потом добавляется, – Стейг многозначительно поднял вверх кривой палец, – капля нашей, демонской, крови. В высушенную демонским дыханием оболочку вливается эта новая кровь, и вот он, злой и жестокой бес.

Ника с Прохором, удовлетворенно переглянувшись, захлопали Стейгу.

– Был бы рад показать вам всю процедуру в действии, но не смогу. Я не знаю заклинания Дьявола, как открыть колбу, а без живого беса показывать нечего.

– Да это и ни к чему, материала у нас вполне достаточно, да и возвращаться пора, – Ника понимала, что надо поскорее отсюда выбираться.

– Не вправе Вас задерживать, – согласился Стейг. Проходя мимо полки с колбами Ника отметила: колбочек осталось девять. Значит, Прохор успел...

На выходе их ждал Уэд.

– Было приятно с Вами работать, буду с нетерпением ждать Вашей статьи о нас, – Стейг пожал лапу Прохору и застыл в поцелуе над Никиной лапкой.

– Я восхищена Вами, – Ника решила, что надо ответить любезностью на любезность, – окажетесь в наших краях, буду рада встрече.

Уэд быстро домчал их до выхода. Щелкнули задвижкой массивные ворота, и Ника с Прохором вновь оказались в мерцающем космосе. Оба устали как после изнуряющей, тяжелой работы.

– Поспать бы, – Ника дернула Прохора за рукав.

– Не время спать, меня трясет от страха. Надо быстрее убираться подальше.

– А где Василий?

– Да вот он, – Прохор достал из кармана колбу с Васей. – Я пробовал его освободить, но ничего не получается. Мешает заклятье Дьявола. Да не грусти, Васек, доберемся до Алвы, там что-нибудь придумаем, – Прохор подмигнул Васе и спрятал колбу во внутренний карман.

– Мы летим в город ангелов, а не на Землю? – Нике очень хотелось домой.

– Конечно, в Алву! Только там я смогу освободить Васю. Да и у тебя осталось право на последний талант, его надо использовать обязательно сегодня, – Прохор резко затормозил. – Ну вот, отлетели достаточно, пора принять нормальный вид. Он подал Нике пузырек с серебристой жидкостью: – Возьми, это не только вернет тебе твою сущность, но и нейтрализует действие выпитой крови.

Ника выпила все залпом, зажмурилась и открыла глаза. Она снова стала веселым розовым поросенком, тошнота и сонливость исчезли разом. Она была готова к новым приключениям.

– Как я понимаю, тебе твой нынешний талант не по душе? – Прохор и Ника стремительно неслись в город ангелов, что не мешало им беседовать.

– Нет, прикольно, конечно. С утра вообще все было замечательно, но потом, когда узнали родители... А если все узнают?! Ко мне и подходить никто не будет, даже родители начнут избегать, – Ника грустно вздохнула. – А если никто не будет знать, ведь тоже плохо! Оказывается, не все говорят, что думают, чаще наоборот, что думают – не говорят. А в мыслях у многих тако-ое, что знать об этом обидно, грустно, а иногда и просто страшно.

– Я понимаю тебя, но не расстраивайся, ведь есть еще одна попытка. Ты теперь знаешь, чего хочешь?

Ника задумалась.

– Да, теперь я поняла, что мне нужно. Теперь я не ошибусь!

– А мы, кстати, уже и прилетели. Ну что, сразу на рынок? – Прохор с Никой влетели в город ангелов.

– Нет! В первую очередь освободим Василия, видишь, как ему там плохо.

– Согласен! Полетим к моему другу Федору. А если освободим, что мы с Васей делать будем? Здесь, у ангелов, бесы никому не нужны, а назад к Дьяволу… там ему несладко придется.

– Да он вполне самостоятельный бес, – Ника сама была в раздумьях. – Мы ведь это все не зря, мы ведь его спасали. Вот освободим, а потом пусть он поступает, как сам решит.

Федор долго переспрашивал Прохора о том, что произошло.

– Вы хоть понимаете, в какую авантюру влезли, а теперь и меня туда тащите?! Нарушить договор Бога и Дьявола! Да за одно это тебя, Прохор, могут разжаловать из ангелов в два счета, а вы еще и беса украли… у ДЕМОНОВ! Когда тебя, Прохор, отправят снова на Землю душой вновь рожденного, тебя эти демоны в первую очередь разыщут и съедят с потрохами.

– Испугал! Федор, я все это понимаю… Ты мне друг, ты мне поможешь?

– А ты еще и сомневаешься? – Федор обиженно насупился. – Давайте сюда своего Ваську.

Вначале пробовали выдернуть пробку. Силы не хватало, штопор гнулся, плоскогубцы лопнули. Тогда решили разбить стекло: роняли, били молотком – ни одной трещинки. Федор с Прохором перепробовали все знакомые им заклинания – ничего не помогало. Дьявольское слово было сильнее их заклинаний. Все трое в изнеможении, не зная, что предпринять, сидели перед колбой, внутри которой согнулся в три погибели Вася.

– Ладно, возьму его с собой, – приняла решение Ника, – не демонам же его возвращать. Я его в тепле буду хранить, перед телевизором ставить, носить везде с собой буду, даже на каток, чтобы ему скучно не было!

– Тогда поторопимся на рынок, – Прохор озабоченно посмотрел на часы, – а то на Землю к рассвету опоздаем.

– Поехали, – согласилась Ника.

Минут двадцать Прохор с Никой бегали по рынку. Ника обращалась почти к каждому продавцу, задавала им вопросы, качала головой, убегала, возвращалась, переспрашивала и неслась к следующему продавцу. Взмыленный Прохор бегал следом, пытался понять, что происходит, пока ему это не надоело.

– Стоп, – Прохор поймал убегающую Нику за хвостик.

– Хрю-ю-ю, ты что, больно ведь, – взвизгнула Ника.

– Стоп, – повторил Прохор, – ты как с цепи сорвалась. Я уже весь в мыле, а говорила, что знаешь, чего хочешь.

– Знаю, только выразить как, не знаю, – потрясла хвостиком Ника.

– А я для чего? Рассказывай, я тебе помогу. Что ты хочешь?

– Ну ладно, попытаюсь объяснить. Я хочу быть честной, всегда говорить только то, что думаю. Я хочу быть доброй ко всем, ведь совсем плохих людей нет. У каждого из нас есть свой ангел, который учит нас делать хорошее, надо только уметь увидеть это хорошее в других. Я хочу объяснить всем людям, чтобы они были как я, не злыми. Ведь все могут быть не злыми, тогда не будет ни драк, ни войн.

Внимательно слушая, Прохор мрачнел на глазах.

– Я хочу научиться помогать людям, – продолжала Ника, – чтобы не было голодных, чтобы у всех был дом и папа с мамой, чтобы никто не плакал, ну разве что иногда от радости. Я хочу...

– ...быть порядочной, – перебил ее Прохор.

– Да, – удивленно согласилась Ника.

– ... а еще быть смелой, чтобы защищать слабых, искренней, чтобы не врать, мудрой, чтобы поддерживать других... Продолжать?

– А откуда ты это?.. Ты знаешь, где это продается?

Прохор огорченно покачал головой.

– К сожалению, все это НЕ ПРОДАЕТСЯ! Ника, все, что ты перечислила, нельзя купить ни за какие деньги. Все это называется БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ! А им можно просто быть или не быть. Или учиться быть.

– А я? – испуганно переспросила Ника. – Я быть...или не быть?

– А ты учишься и, не быть мне Прохором, научишься обязательно, станешь хорошим ЧЕЛОВЕКОМ!

Ника бодро побежала к выходу с рынка.

– Ты куда, – растерялся Прохор, – давай выберем что-нибудь другое.

– Если всему перечисленному я могу научиться сама, то ничего другого мне НЕ НУЖНО! – радостно рассмеялась Ника. – Так что можем эту монету с одним талантом кому-нибудь подарить.

– Ни в коем случае, оставь ее у себя. Благодаря ей, ты сможешь один раз спасти себя от несчастья.

– Себя, – подбрасывая монету в руке, задумалась Ника, – а... родителей?

– Ну конечно, глупышка, любого, кого захочешь, но всего один раз!

– Уговорил, оставляю!

Ника положила монету в карман. Неожиданно Прохор вздрогнул: маленькая переливающаяся зеленая ящерица, с которой он никогда не расставался, и которая была как живая, вдруг и вправду ожила. Ловко перебирая ножками, она взобралась Прохору на плечо и стала что-то нашептывать тому в ухо. Прохор бледнел на глазах.

– Что случилось? – испуганно спросила Ника.

– Случилось то, о чем предупреждал Федор. Меня вызвал к себе Бог, – Прохор взял паузу и грустно вздохнул, – немедленно и... вместе с тобой. Мы не вправе ослушаться, давай поторопимся.

– Неужели я увижу самого Бога?! Это здорово! Мы к нему полетим? Он живет где-нибудь в облаках?

– Никуда мы не полетим. Он ждет нас в Спорной палате. И этот факт меня очень беспокоит. Неужели разангеляция?

В вестибюле Спорной палаты их уже ждали.

– Прохор? Вероника Сидорова? Вас ждут в комнате приемов. Тридцать третий этаж.

Прохор нажал кнопку «33», и лифт полетел наверх. Открылась дверь, и от яркого света Ника зажмурилась. Комната приемов была оформлена в голубых тонах. Справа расположился полноватый, круглолицый, белобородый старичок в белоснежных одеждах. Над его головой светился настоящий нимб. «Бог», – догадалась Ника. Она обернулась налево.

– Вероника, несмотря на твое отношение ко мне, провалиться мне на этом месте, я рад нашей новой встрече, – солидный, седовласый мужчина в черном привстал навстречу Нике. «Это же Дьявол, – с ужасом подумала девочка. – Надеюсь, Бог знает, кто это».

– Прохор, – Бог обладал приятным баритоном, как у телеведущего доктора Малахова, – мир на грани катастрофы, и это случилось из-за тебя и этого розового поросенка.

– Неужели все настолько серьезно? – не поднимая глаз, проронил Прохор.

– Ты удивляешь меня! Напротив сидит Дьявол. Ты не знаешь о заключенном между нами договоре?

– Знаю!

– А разве не ты нарушил его сегодня?

– Я.

– Тебя ждет наказание! Мессир, для возобновления нашего договора, устранения твоих претензий, достаточно ли примерного наказания моего ангела?

– Ты смеешься? Провалиться мне на этом месте, мне дела нет до твоего ангела, как тебе до моих бесов. Верни мне левое плечо Вероники Сидоровой. Сними наложенный на него крест. Даже этого мало, но я соглашусь... возможно.

– Не мною он наложен, не мною может быть снят. Давай спросим у той, кто его наложил. Бог обратился к Нике: «Ника, нам надо вернуть твое левое плечо посланцу Дьявола».

– Ни-ког-да, – Ника вспомнила Игната и машинально потерла нос, как будто оттуда снова полилась кровь, – никогда более бесам не сидеть на моем плече.

Послышались резкие хлопки – снисходительно улыбающийся Дьявол аплодировал Нике.

– Я тебе благодарен! Ты развязываешь мне руки! Завтра сотни людей потеряют жизни под колесами машин, послезавтра тысячи сгинут в клоаке могучих землетрясений, через неделю ядерная война поглотит миллионы! Провалиться мне на этом месте, но причиной всего будет твоя прихоть!

– Это правда? – со слезами на глазах Ника обернулась к Богу. – Если от меня что-то зависит, я отдам даже свою жизнь, чтобы только этого не случилось никогда!

– Да я был прав, я не ошибся в тебе. Успокойся, пока я Бог, этот ужас не произойдет, – подошедший к Нике Бог задумчиво и ласково погладил ее по голове. – Ты проиграл эту партию, Мессир! Ника останется со мной, я не отдам ее. У тебя есть другие предложения выхода из сложившейся ситуации?

Дьявол задумчиво теребил мочку правого уха.

– Есть! Ты отдашь мне одного новорожденного!

– То есть?

– Раз у Ники нет беса на левом плече, будет справедливо, если у одного рожденного этой ночью не будет ангела на правом плече. Они уравновесят друг друга.

– Я думаю, ты имеешь на это право, – Бог и Дьявол обменялись взглядами.

– Но это не все, – Дьявол поднял вверх указательный палец. – В качестве бонуса за моральный ущерб избранный мной будет для тебя невидим!

Бог задумался, потом перевел взгляд на Нику:

– Я верю в тебя, ты встанешь на его пути, и ты его остановишь!

– Ха-ха-ха, – смех Дьявола был неприятен. – Мы вносим дополнение в наш договор?

– Да!

– Да будет так!..

Это было сказано и Богом, и Дьяволом одновременно. Огромная светящаяся шаровая молния возникла между ними. Ника зажмурилась. С треском молния разлетелась мириадами искр.

– Дело сделано, мне пора, – Дьявол привстал со своего массивного кресла. – Отдайте мне моего беса.

– Какого беса? – Бог недоуменно развел руками.

– Того самого, которого твой Прохор украл у демонов. Провалиться мне на этом месте, если он не лежит в кармане у Ники.

– Это правда? – Бог ждал ответа от Прохора.

Прохор, как первоклассник, согласно кивнул головой: «Да, это так».

– Я не понимаю, я даже не способен понять, зачем нам бес? – вопрошал его Бог.

– Он мой, – на помощь понурившемуся Прохору ринулась Ника, – его пытать хотели.

– Насколько я знаю, он обманул, он предал тебя, – Бог возмущенно развел руками.

– Подлость других – не повод поступать так же, иначе, чем мы будем от них отличаться? – Ника протянула руки к Богу.

– Хм, хорошая логика. Но давай разберемся с этим наедине. Отдай Мессиру беса.

Ника крепко сжимала в кармане колбу.

– Отдай, – Дьявол начал выходить из себя, – он мой.

Внезапно Ника нащупала в кармане монету достоинством в один талант. Мелькнула спасительная мысль.

– Это ты подарил мне монету? – Ника вертела в руках один талант.

– Я, – Бог еще не понимал, куда клонит Ника.

– Значит, она моя?

– Твоя.

– Значит, если я жертвую одним талантом, ты выполнишь взамен одно мое желание?

– Не хочешь же ты сказать, что потратишь его на беса, – глаза Бога удивленно расширились.

– Если ты держишь свое слово, я отдаю эту монету за спасение Василия, – Ника протянула монету Богу.

– Я держу слово, но с кем остаться, он выберет сам, – Бог уважительно посмотрел на Нику. – Доставай колбу.

Дьявол напряженно дышал, теребя ухо. «Как он только не оторвет это свое ухо, вон как уже покраснело, так раньше пьяных в чувство приводили», – посторонние мысли несерьезно крутились в Никиной голове.

Бог принял колбу в ладонь, внимательно посмотрел на нее и легонько дунул. Осколки колбы разлетелись в сторону, на ладони Господа сидел Василий.

– Находясь на моей территории, ты вправе выбрать, – Бог поднял бесенка над головой. – Можешь уйти с Мессиром, можешь остаться со мной. Выбирай.

Наступило напряженное молчание. Было слышно, как пепельный мотылек бьется крылышками о хрустальный сводчатый купол.

– Я выбираю... – от долгого молчания голос Васи сипел, – я с Никой, я остаюсь здесь.

– Да будет так! – воскликнул Бог.

От дьявольского рева задребезжал купол. Свирепое чудовище топало ногами, извергая огонь.

– Я ухожу, но ты, Ника, заплатишь мне за все. Я всегда буду рядом, берегись!

Смерч юлой закрутился по залу и скрылся в купольном отверстии Спорной палаты. Дьявол отступил.

– Ну что, Василий, – Господь нарушил затянувшееся молчание, – я оставляю тебе имя, облик выберешь сам, и отправляю на Землю – душой новорожденного младенца. Прощайся.

Василий спрыгнул с рук Господа и подбежал к Прохору и Нике.

– Спасибо, друзья! Прохор, мы отлично ладили. Ника, я остался здесь, чтобы научиться быть таким же бескорыстным и добрым, как и ты. Я не подведу вас, мы еще встретимся.

– Настал момент, сейчас на Земле появится новый человек, – Бог воздел руки к верху. – Василий, ты забудешь все, что с тобой было. Ты будешь моим посланником – душой вновь рожденной человеческой плоти. Ты пройдешь путь познания добра, ты станешь препятствием насилию и злу. Да будет так, аминь!

Бог хлопнул в ладоши – Василий оставил после себя облачко дыма.

– Прохор, – Бог обратился к ангелу, – я прощаю тебя и оставляю ангелом Вероники Сидоровой. Твоя помощь понадобится ей – борцу с рожденным сегодня исчадием ада. Ника, ты сильна, но зло не намерено сдаваться. Сам Дьявол бросил тебе вызов. Сегодня на Земле родится человек, недоступный мне. Лишь темные силы будут властвовать в его душе, сам Дьявол будет управлять им. Только ты способна встать на его пути, только твой свет победит его тьму. Будь последовательна, я верю в тебя, – Бог устало склонил голову. – Отпускаю вас. Аминь...

– ...Уф! успели к рассвету, – Прохор и Ника ввалились в ее спальню.

– Не верится, что я все это пережила, что я, наконец, снова дома. Ты покидаешь меня?

Ника плюхнулась в мягкую постель.

– Я догадываюсь, сколько тебе еще предстоит пережить. Вернусь вечером, мне нужно тебе что-то сказать. Не прощаюсь.

Прохор растаял в морской волне, нырнув в Черное море с абхазской фотографии на стене.

– Ты больше не увидишь меня.
Но я всегда буду рядом. Верь в меня!

Глава десятая

– Просыпайся, тетя Вероника! Вставай, лежебока!

Ника терла глаза.

– Какая такая я тетя?

– Ну, если твой брат стал папой, значит, ты стала тетей! Простая логика, – веселый папа тискал Нику в объятиях, – вот так вот, тетя Вероника.

– А ты, значит, теперь дедушка Николай, – до Ники наконец дошло, что с трепетом ожидаемое всеми событие случилось: ее брат, проживающий в Москве, стал отцом. – А кто, а кто? – Ника замерла в нетерпении. – Мальчик? Девочка?

– Да какая разница?! Просто я теперь дедуля, – папа явно решил ее помучить, – и у нас не просто мальчик или девочка, а....

– ...неведома зверушка... – знание Пушкина Нике пригодилось.

– ...Артем Дмитриевич, – радостно закончил папа.

«Значит, мальчик, – почему-то с грустью подумала Ника. – Ну ничего, займусь им, будет не хуже девчонки. Все зависит от меня», – решила она.

– Что вы тут как медведица с медвежонком валяетесь, – запах блинчиков прилетел в спальню вслед за мамой.

– Не медведица, а медведь, ба...

– Вот только бабулей называть меня не надо, – оборвала мама. – Ну что у тебя за беспорядок, Ника? – мама подняла с пола какой-

то шнурок с кисточкой на конце. – Что это такое? Откуда? На чей-то хвостик похоже.

– Это мое, мое, – Ника представления не имела, откуда взялся этот хвостик, но чувствовала – пригодится. – Это я, мам, специально для ключей, чтобы не потерялись. Давай сюда, сразу прицеплю, пока он опять не потерялся.

– У тебя в комнате, если порыскать, много чего можно найти. Ну когда же ты перестанешь быть неряхой? Через три дня тебе исполнится четырнадцать лет.

Ника усердно привязывала хвостик с пушистой кисточкой к связке ключей: «Действительно, скоро мой день рождения, как это у меня из головы вылетело?».

– ... Ты, Ника, давай сегодня определись, кого приглашаешь, но не больше десяти человек, – мама, ну не может она оставаться без дела, мимоходом наводила порядок в Никиной спальне. – Ну все вставай, иди мыться, а то как бы нам не опоздать сегодня.

– Я, мам, к вечеру определюсь с гостями, – Ника вприпрыжку поскакала в ванную.

Весело мурлыча себе под нос, Ника чистила и без того белоснежные зубы. В голове не было никаких чужих мыслей. Ника посмотрела внимательно на зубную щетку, перевела взгляд на зеркало, скользнула глазами по ванне – полная и безоговорочная тишина. Быстро завершив умывание, Ника поспешила на кухню. Папа с мамой уже завтракали.

– Кофе, чай, что пожелаете? Одну, две сосис... – мама осеклась под пристальным Никиным взглядом, – ты что глядишь так странно? О, господи, я же забыла, – мама испуганно схватилась за голову. – Что, продолжается?

– Нет...кажется, – Ника перевела взгляд на переставшего жевать папу, – точно нет, все кончилось. Никаких чужих мыслей, только свои.

– Подожди, не делай скоропалительных выводов. Посмотри на меня внимательно, – мама напряглась, плотно сжав губы, – о чем я сейчас думаю?

Секунд двадцать они внимательно смотрели друг на друга. Мама старательно передавала мысли, Ника испуганно хлопала глазищами.

– Нет! Точно ничего не слышу, – Ника, облегченно выдохнув, опустилась на табуретку.

– Ну и хорошо, доченька, ну и... как все будешь, даже лучше.

– Может, попробуешь еще? – разочарованно протянул папа. Ника отрицательно покачала головой. – Что, никак? А жаль! Мы бы с этим что-нибудь придумали, – разочарованно покачав головой, папа с хрустом вгрызся в ярко-красное яблоко.

...Желтое солнце оторвалось от горизонта и ласково дарило свое тепло промерзшей земле. По рыхлому снегу, по сосулькам и ледяной корочке, по опьяняющей свежести воздуха становилось ясно – наступает весна. Ника вздохнула, закрыла глаза, потянулась и расставила руки. Еще чуть-чуть – и всю Землю обнимет. Нет, не обманешь – птицы пели так, что сомнений не оставалось – это действительно ВЕСНА.

– Сидорова, Сидорова, подожди! Ника обернулась. Светка Щебетова – прядь волос выбилась из-под шапки, большой рюкзак смешно переваливается за спиной – догоняла Нику, утопая в рассыпчатом снегу.

– Уф! Еле догнала! Куда ж так спешить? До звонка еще целых двадцать минут... Слушай, я вчера такую новость узнала! Закачаешься! Ювелирный магазин ограбили, двоих убили, один в реанимации, кровищи было! – возбужденно начала Света и, ожидая бурной реакции, выжидательно посмотрела на Нику.

– Да никого там не убили. Всех преступников задержали.

– Жалко, а ты откуда знаешь? – пробурчала Светка.

– Да я там сама была, все видела, – рассказывать о своей роли в этом событии у Ники не было желания, – а тебе чего жалко, что все живы, или что бандитов поймали?

– Да нет, конечно, – Света задумалась, о чем бы еще поболтать. – А в Москву на неделю высокой моды все известные модельеры съехались. Щебетова тщательно следила за светской жизнью, в начале месяца она скупала все модные журналы из соседнего газетного ларька.

– Гостей куча была, даже Перис Милтон приезжала!

– Да не Милтон никакая, а Хилтон, – прыснула от смеха Вероника.

– Ну да, точно, Хилтон, – разочарованно поправилась Светка и задумалась в поисках какой-нибудь, уж точно неизвестной Веронике новости.

– Слушай, а вот у меня есть новость потрясающая, – Нику как будто осенило.

– Какая? – застыла в напряжении Щебетова.

– А тебя на день рождения пригласили!

– Когда, к кому? – удивилась Светка.

– Ко мне, во вторник вечером, – засмеялась от неожиданной радостью Ника, – тортище будем есть о-ог-громный.

– А кого еще приглашаешь?

– Да всех, весь класс!

«А почему бы и нет. Может, это разобьет все наши группировки, ведь мы же один класс, мы все замечательные», – подумала Ника.

– Давай наперегонки, догоняй, – подтолкнула она ошалевшую Светку.

С бьющимся сердцем («Ну пора бы уже появиться Денису») Ника вбежала в кабинет биологии. Пусто! Чучела птиц стояли на подвесных стеллажах, книги прогнули полки, образцы питания животных пылились в коробочках – Дениса не было. Посреди класса стояла большая коробка с шоколадками и апельсинами, и все активно поглощали ее содержимое, тусуясь в разных уголках класса.

– По какому поводу дискотека? – ухвативши самый большой апельсин, недоуменно воскликнула Щебетова.

– А у нас теперь не просто Вера Соснова, а сестренка Верочка, – просуфлировала Валя, – у нее вчера брат родился!

– Поздравляю! – Щебетова так вгрызлась в сочную мякоть, что оранжевые капли брызнули на светлую блузку.

– Счастливая! Слушай, у нас удивительное совпадение, – Ника подошла к Верке, – очень за тебя рада, но у меня тоже вчера родился, только не брат, а племянник, и я теперь тетя Ника.

– Ой, что за ужас у тебя такой, – Вера отпрянула от связки ключей, висевших на шелковой нити у Ники на поясе.

– Ключи, – Ника пожала плечами.

– Да вижу, что ключи, а это что? – Вера прикоснулась к обрубку хвостика с пушистой кисточкой на конце.

– Да брелок это, чтобы ключи не потерялись!

– Ты ко мне, Сидорова, с этим брелочком лучше не подходи – поцарапаю!

– Да что ты бесишься, нет проблем, сейчас в сумку положу, – Ника сняла ключи с пояса и положила их в боковой карман портфеля. – Ребят, а у меня тоже праздник, я тетей стала – племянник родился. По этому поводу будем завтра кушать большо-о-ой торт.

– Это мы с удовольствием, – забияка Гусев скомкал обертку от шоколадки и запустил ею в белобрысый затылок Никиты Кочеткова.

– Ты че, офанарел? – Никому не дающий спуску широкоплечий Никита запустил в Гусева апельсиновой долькой.

Ловкий Гусев увернулся, и долька, смачно шлепнув по лбу, неторопливо стекла по накрашенному лицу Сони Сорокиной. Все дальнейшее напоминало цепную реакцию при взрыве водородной бомбы. После секундного замешательства Соня бросилась вдогонку за Никитой, тот, ловким козликом перепрыгивал через парты, возникшими завихрениями сдувая обертки шоколадок на пол. Количество желающих их догнать увеличивалось с каждой секундой, броуновское движение тел раскачивало люстры, швыряло тряпки и кусочки мела, порывистый Филимонов движением сеятеля перевернул коробочки с питанием для животных и пресмыкающих – горошины покатились по полу, сушеные тараканы хрустели под подошвами. В тот момент, когда учитель биологии Светлана Сергеевна вошла в класс, задетая Савельевым книжная полка, увлекая за собой чучело грача, со страшным грохотом завалила рюкзак Гусева.

– Э-э-э, – со звуком, напоминающим высасывание последних капель сока из пачки, Светлана Сергеевна опустилась на учительский стул. – Кто???

В наступившей тишине одноклассники как один обернулись на Гусева.

– А че я-то? – поежился Костя. – Пошутить нельзя?

Ника достала из портфеля пакет и ловко пошла между парт, складывая в пакет обертки шоколадок.

– Ты что, Сидорова? – взгляд биологини бессмысленно блуждал по классу.

– Да ничего, убирать-то все равно надо.

– Ника, а давай веничком, – Щебетова первая бросилась на помощь, – Светлана Сергеевна, а тараканов от горошка отделять?

– Не надо, Щебетова, – учительница подняла грача и пошла вдоль класса, выбирая, куда бы его пристроить.

– Я сейчас, мигом полочку налажу, – Савельев вертел в руках сорвавшийся винт.

Последней в работу включилась Вера.

– Быстро мы справились, – водрузив грача на шкаф, Светлана Сергеевна улыбнулась. – Вот что значит дружно и вместе. Ну что,

начнем урок. Гусев, ты у нас заводила, тебе и первым быть. Давай к доске.

...На английском Ника раскраснелась. Почему-то стучало в висках, перед глазами плыл туман.

– Good morning. Today we will repeat «Family», – Александра Адольфовна раскачивалась, как непотопляемая каравелла на океанских волнах, – Filimonov, please!

– I have good family, – Филя неожиданно возник у доски, – I have father and mother. I love them very mach....

Ника покачнулась – парта поплыла куда-то в бок.

– Вероника, ты себя нормально чувствуешь? – учительница поддержала Нику, готовую упасть в проход между партами.

– Да не очень, Александра Адольфовна, что-то голова кружится.

Англичанка по-матерински припала губами к пылающему лбу.

– Да ты вся горишь! Немедленно в медпункт.

Вероника поднялась и двинулась к выходу.

– Сергей, проводи Сидорову! – Марков поспешно стал складывать Никин рюкзак.

У выхода из класса Ника остановилась:

– Ребят, а у меня день рожденья скоро. Будет здорово, если вы придете. Во вторник. Жду всех.

...Медсестра тетя Катя ужаснулась:

– Сидорова, бедняжка, у тебя тридцать девять и три.

Дав девочке две таблетки и сделав укол, она стала одеваться:

– Я тебя сама провожу.

В коридоре дощатый пол ходил ходуном: третий «В» сидел в очереди на прививку. Ника присела рядом.

– Тебе что, укол делали, – курносая девчонка тряхнула рыжими косичками.

– Ага, – тяжело вздохнула Ника.

– И таблетки глотала? – рыжая с ужасом вытаращила глаза.

Ника снова кивнула головой. Тетя Катя вышла в коридор, и 3 «В» замер в напряжении.

– Прививка переносится...

– Ура-а-а! – школа вздрогнула, как стадион во время решающего гола.

– ...У Вероники ангина... – Ника лежала в постели, а тетя Катя разговаривала с мамой по домашнему телефону, – ...очень опасная,

повторяю, фоликулярная... – с самого детства Ника считала, что эта болезнь называется «каникулярная» ангина, которая приносит дополнительный отдых от школы.

– Не волнуйтесь, температура спала, передаю ей трубку...

– ...Мам, привет... нет, ничего не болит...да, обязательно чай с малиновым вареньем... – мама считала, что малиновое варенье – панацея от всех бед, – ...не волнуйся, все уже хорошо, жду тебя, постараюсь уснуть.

Тетя Катя написала для мамы какие-то рецепты, Ника закрыла за ней дверь и, по ее совету, легла в постель под пуховое одеяло. Она лежала с закрытыми глазами, лежала и думала – события дня проносились цветным калейдоскопом, и вдруг послышался щелчок, как будто сам собой включился музыкальный центр. Ника открыла воспаленные глаза и увидела, как к подоконнику спускается лесенка. Под знакомые звуки мелодии Сен-Санса вдали появилась светящаяся точка. Она росла, уже можно было разглядеть маленькие ножки, перепрыгивающие через две ступеньки, плащ с капюшоном и два блестящих глаза из-под него. На душе стало спокойно и радостно.

– Прохор!

– Ну что? Говорила тебе мама: «Носи шапку, носи!». Форсишь, как сермяжница, – кто такая сермяжница, Ника не знала, но от слов Прохора веяло теплом и заботой.

– Прохор, родной, ты здесь?! Как я рада!

– Здесь-то я здесь, но мы с тобой, Ника, такую кашу заварили...

– Какую кашу, Прохор?

– А такую, что за последний день на Земле родились 53 487 человек.

– Радость-то какая для их пап и мам!

– Им-то радость, а нам с тобой одни проблемы. Один из них – порождение Дьявола, без права Божьего контроля, и только мы с тобой можем и должны встать на его пути, не давая злу победить. Кстати, где-то среди них наш Вася, интересно было бы с ним встретиться.

– Слушай, а я тетей стала.

– Поздравляю, ты намекаешь, что его душой мог стать Вася? Нет, такие совпадения маловероятны. А если твой племянник – порожденье Дьявола? – Ника испуганно схватилась за щеки. – Да нет, это тоже едва ли.

– Что же делать, Прохор, как бороться с этим непонятным злом?

– Будь сама собой, какой тебя избрал Бог. Неси свою веру, свои принципы, свою силу и добро людям, а я буду рядом.

– Значит, ты не покинешь меня?

– Ты больше не увидишь меня. Но я всегда буду рядом. Верь в меня! За тебя я готов снова вступить в схватку с Дьяволом. Мы обязательно победим!

– Я верю... я надеюсь... я люблю... мы вместе... мы сможем...

Ника устала, глаза слипались, действительность отступала. То ли быль, то ли сон, то ли случилось, то ли привиделось....

Эпилог

Дверной звонок неистовствовал. Ника сползла с постели и побрела к входной двери. По дороге взглянула на стенные часы – три, как раз уроки кончились. После таблеток и малинового варенья ей стало заметно лучше. Поправив намотанный на шею шарф, Ника открыла дверь. Огромный букет роз, точь-в-точь как со стенгазеты к 8 марта, казалось, заслонил всю лестничную площадку. Из-за букета, теребя от волнения мочку уха, выглянул Денис:

– Привет, а я без тебя скучал. С днем рождения тебя! Наши попозже придут, так что давай пока уроки объясню.

– А я тебя не заражу? – радостно засомневалась Ника.

– А ты меня чаем с лимоном угости. Сопротивляться не буду, провалиться мне на этом месте.

«Слова какие-то знакомые, тревожные, кто-то из недавнего прошлого тоже постоянно хотел провалиться на этом самом месте. Никогда не замечала, чтобы Денис теребил ухо, переживает, что ли?» – Ника прогнала подальше беспокойные мысли и широко распахнула дверь.

Талант напрокат. Повесть-фантазия.
Андрей Николаевич Фомин
Иллюстрации: Ольга Карнеева
Редактура: Галина Юрьева
Корректура: Александра Тимофеева
Верстка: Дмитрий Федоров

Издатель:
ООО «РИЦ «Курьер-медиа»
603005, г. Нижний Новгород, а/я 39
Тел.: 8 (831) 439-76-38
E-mail: ra@kuriermedia.ru
Подписано в печать 10.09.08 г.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 1 000 экз.

Отпечатано: ООО «РАСТР-НН», Нижний Новгород